This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

27112
71.10

27222.7.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Лико 9574/71

11-5

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

СОБРАННЫЯ

П. В. ШТЕЙНОМЪ.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1877.

27222.7.10
V

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 17 1973

78 Y 2

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

Про Илью Муромца.

1.

(Симбирской губ., Корсунск. уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
По чистому полю похалъ * погуливать.
Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ёмъ добрый конь,
А запылилась за ёмъ сила добрая.
И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень;
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ идти, ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать—женатому быть,
«А во лѣво ѣхать—богатому быть,

---

* Поѣхалъ.

«А прямо ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женатство-то не ко младости,
«А богатство мнѣ—не къ разуму.
«Дай поѣду, я поѣду по этой по дороженькѣ,
«По которой мнѣ убитому быть.»
И повстрѣчалися ему станишнички:
«Ужь и ой еси вы, станишнички,
«А по русскому васъ назвать разбойнички!»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
«Вамъ убить то меня не за что,
«А взять то вамъ съ меня нечево:
«Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
«А колпачекъ на мнѣ во всю тысячу,
«А коня то на базаръ я не вываживалъ,
«Цѣнъ-то ему не прикладывалъ.»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Сталъ постряхивать,
И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
И пущаетъ свою кленову стрѣлу,
И пущаетъ во сыръ во матерый дубъ,
И ращипъ дубъ во ножевы черенья.
Станишнички испужалися,
И всѣ врозь разбѣжалися,
Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
— Ужь и ой еси стародой казакъ,
— Стародой казакъ, Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
— Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
— Во Донскіе во козаченьки! —

(Отъ плотника Егора, — лѣтъ за 50, человѣка бывалаго).

2.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Не дорого намъ пива пьянаго,
А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія:
Въ селѣ было во Муромѣ,
Во деревнѣ было Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Сынъ Ивановичъ, богатырскій сынъ.
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньица:
«По дикой степи мнѣ погуляти,
«Добра коня понаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
Онъ подъѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дорожинькѣ:
«Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
«А по лѣву ѣхать—женатому быть,
«А по середней ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женитьба не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ радости;
«Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убитому быть;
«Убить-то меня не за что.»
Подъѣзжалъ-же ко Окѣ рѣкѣ,
Чрезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыхъ ногъ не обмакивалъ.
Тутъ стояли-же воры и разбойнички,
По русскому придорожнички.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Рацшпалъ дубокъ въ ножевыя череныщи,
И тутъ воры-разбойники испугалися,
По дикой степи растрѣлялися,
По камышнички размирялися.

(Отъ крестьянина Кузьмы Ослова, уроженца Нижегород. губ.).

3.

(Той же губ. и того же уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренную бесѣдушку.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про стараго казачка, Илью Муромца.
Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
Не бѣла заря занималася,
Не красно солнце выкаталося:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Илья Муромецъ
На своемъ конѣ богатырскіимъ;
Побѣлѣла его головушка,
Посѣдѣла его бородушка.
Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
Ко тремъ ко дороженькамъ,
Ко дороженькамъ ко широкіимъ.
На дороженькѣ бѣлъ горючъ лежалъ камень,
На камнѣ печать положена:
«По которую мнѣ доброму молодцу
«Будетъ ѣхать по дороженьку:
«Есть по средней дорожкѣ ѣхать—быть убитому;
«По лѣвой сторонушкѣ ѣхать—быть богатому;
«По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ—быть женатому:
«Мнѣ жениться не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ разуму;
«Поѣду, добрый молодецъ, по средней по дороженькѣ.»
На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
Ихъ не много, ихъ не мало—сорокъ одинъ человѣкъ.
И завидѣли они издалека русскаго богатыря,
Выходили къ нему по пяти и по десяти человѣкъ.
Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
Межъ себя они разговаривали:
— Что мы жили, такого коня не видывали:

— Ужь ты стой, постой, добрый молодецъ!
— Ужь ты стой, постой, Русскій богатырь! —
«Охъ вы братцы, товарищи! Съ меня вамъ взять нечего!
«Я своего коня на базаръ не важивалъ,
«Никто цѣной его не окладывалъ;
«На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
«На мнѣ шапочка во три сотенки;
«Рукавички на мнѣ въ одну сотенку.»
Вынимаетъ добрый молодецъ,
Вынимаетъ Илья Муромецъ
Изъ колчана калену стрѣлу,
Натягаетъ тугой лучокъ,
Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
Онъ ращипъ его во мелки кусочки.
Разбойнички всѣ перепугнулися,
Они всѣ врозь отъ него разбѣжалися,
На третьи суточки къ нему собралися:
— Ужь ты, добрый молодецъ, Русскій богатырь!
— Ты поди къ намъ во товарищи;
— Сколько хочешь бери золотой казны,
— Платья цвѣтнаго, лошадей и табуны!
Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:
«Охъ вы, братцы мои, непріятели!
«Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
«Покажите мнѣ дороженьку
«По Черниговъ градъ проѣхати,
«Черезъ горы Сарачинскія,
«Черезъ лѣса, черезъ Крымскіе,
«Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
Поѣхалъ Илья Муромецъ,
Поѣхалъ путемъ-дорогою;
Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:
Полетѣлъ и встрѣчаетъ его.
Напустилъ на него громкій свистъ;
Илья Муромецъ на него разгорчился,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
И сшибъ его какъ овсянаго снопа;
Заложилъ его Илья Муромецъ
Во торока свои крѣпкіе,

И поѣхалъ путемъ прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.
У Кіевскаго князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ въ палаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.
«Ужь ты что и какой ты богатырь?»
—Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—
Кіевскій Князь распрошать его сталъ:
«Ужь ты что есть за такой богатырь?
«Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»
— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,
— Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе.—
— Тутъ нихто конный не проѣзживалъ,
— Нихто пѣшій не прохаживалъ?
— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,
— Соловья разбойничка во плѣнъ его взялъ?—
Кіевскій Князь сталъ говоритъ ему:
«Ужь ты Илья добрый молодецъ,
«Возьми его къ себѣ во палатушки,
«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»
Илья Муромецъ, добрый молодецъ,
Посадилъ его на лѣвую ручешку,
Приказалъ ему посвистати:
«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,
«Посвищи-ка Соловей разбойничекъ, въ полсвиста».
Соловей разбойникъ разгордился,
Засвисталъ онъ во весь свистъ—
Во всѣ бесѣдушки люди перепужалися.

(Отъ ратника Н. Карповенкова).

4.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,
Плавалъ тутъ корабь ровно тринадцать лѣтъ,
На якорѣ корабь не останавливался,
И ко бережку корабь не приваливался.

На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
Было два торга и четыре кабака,
Было два богатыря сильные, могучіе:
Первый богатырь—Симеонъ молодой,
А другой богатырь—Илья Муромецъ.
На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки разбѣлѣлися,
Его петельки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По лютому звѣрю, по заморскому льву.
Думали-гадали станишнички,
По русскому назвать-воры, разбойнички,
Думали-гадали, какъ корабль, разбить
Корабль разбить, Илью во полонъ взять.
Его лютые звѣрья разревѣлися,
Всѣ станишнички перепугалися,
Во легкія во лодочки пометалися,
По синему по морю разстрѣлялися,
Въ третій день сходилися,
И звали его во товарищи:
— Ты будешь у насъ атаманушкой. —
«У отца я былъ, у матери,
«Не охочъ я былъ стадо пасти:
«По лѣсамъ то я не стаивалъ,
«По дорогамъ-то не ѣзживалъ.
«Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣса Брымскіе,
«Черезъ лѣса Брымскіе, черезъ горы Сарачинскія».
— Тутъ дорога запала тридцать годовъ:
— Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ,
— Гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —
Не доѣхалъ онъ за тридцать поприщевъ,
Конь его спотыкаться сталъ:
«Ну-ка ты конь, вороній кормъ!
Не видамши страсти, ужасти, спотыкаться сталъ!»
Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,

Сидятъ богатыри во бесѣды;
Входитъ въ палату, молится чужимъ образамъ,
Поклоняется на всѣ стороны,
Величаетъ царя Владиміра.

(Отъ 80-ти-лѣтняго старика слѣпца.)

5.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
Въ селѣ было Карачаровѣ:
Не сильная погода поднималася,
Не зелена дубрава разшумѣлася,
Не бумажные листочки разстилаются,
Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
Онъ ни проситъ ни золота, ни серебра:
«Не надо мнѣ одежды драгоцѣнныя
Не прошу у васъ закону, молодой жены, —
Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице
Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
Да еще послушать звону колокольнаго.»
— Охъ ты гой еси, чадо милое!
— Молодешенекъ Ильюша похваляется,
— Какъ во дальнюю дорогу собирается,
— Эта дороженька не малая,
— Скоры гонцы гоняютъ черезъ двѣнадцать дней,
— Воловымъ шагомъ-два мѣсяца. —
Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
Не держали Ильюшу ни горы, ни долы,
Не быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

(Зап. И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ.)

Про Добрыню Никитича.

(Енисейск. губ. Минусинск. округа, с. Верхне-Кужебарское).

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
Ужь какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ
Что честной вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ:
«Ужь ты гой еси, родимая моя матушка,
«Что честна вдова Афимья Александровна!
«Ужь ты дай мнѣ ка свое благословеньице,
«Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
«Что искать себѣ названнаго брателки,
«Что стараго казака да Илью Муромца!»
— Какъ возговоритъ ему да родна матушка:
«Ужъ ты гой еси, родимо мое дитятко!
«На кого ты оставляешь свою матушку,
«На кого ты покидаешь молоду жену?»
—Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«Оставляю я васъ, матушка, на Бога.»
Что даетъ ему мать свое благословенье:
«Благословитъ тя Богъ, мое дитя родимое!
«Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
«Ужь ты ѣзди-ко дитя во чистомъ полѣ,—
«Чистехонько, хорошёхонько!»
Тутъ началъ сряжаться добрый молодецъ;
Онъ въ сѣдельце черкаское коня сѣдлалъ,
Во уздицу во тесменную зауздывалъ,
Что бралъ нитку шолку шамаханскаго,
Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
Осѣдлавши онъ садился на добра коня,
Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты гой еси, родима матушка,
«Что честна вдова Афимья Александровна!
«Ты жди ко-ся меня ровно три года;
«Ты не дождешься меня ровно въ три года,
«Ты бери мои золоты ключи,
«Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
«Вынимай мою золоту казну,

«Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
«По честнымъ по родителямъ,
«Поминайте меня добра молодца!
— А ты гой еси, моя молода жена!
«Хороша Настасья, дочь Никулишна!
«Ужъ ты жди меня ровно девять лѣтъ;
«Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
«Хоть замужъ пойди, хоть вдовой сиди!»
Ужъ какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли, какъ съ двора съѣзжалъ.
Что не пыль столбомъ поднималася, —
Одна откопоть оставалася,
Какъ уѣхалъ Никитушко во чисто поле,
Добрыничъ свѣтъ во раздольице.
Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
И не можетъ наѣхать Ильи Муромца.
Съ той печали со кручинушки
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ
И спускаетъ свою калену стрѣлу.
Улетала та его стрѣлочка
Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
Къ красной дѣвушкѣ да во высокъ теремъ,
Во окошечко во косящатое,
Во стеколышко во заморское.
Увидалъ тутъ добрый молодецъ
Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
«Ужъ ты гой еси, бабушка задворенка!
«Ты сходи-ка къ Маринѣ красной дѣвицѣ
«За моей ли то каленой стрѣлой!»
Тутъ пошла бабушка задворушка скорёшенько.
Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Поклонилась ей низешенько,
Говорила ей честнешенько:
«Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
«Что послалъ меня къ тебѣ добрый молодецъ,
«Добрый молодецъ Добрыня Никитичъ сынъ,
«Велѣлъ онъ тебѣ поклонитися,
«И просить у тебя его калену стрѣлу».
— Какъ отвѣтила Марина, красна дѣвица
Той ли бабушкѣ задворенкѣ:

«Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
«Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придётъ.»
Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
Воротилась во чисто поле
Ко удалу добру молодцу,
Ко Никитѣ Добрыничу.
А Маринка, красна дѣвица,
Полетѣла вслѣдъ сорокою,
Чтобы выслушать его рѣчи.
Говоритъ ему тутъ бабушка задворенка:
«Ужь ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
«Отвѣтила мнѣ Марина красна дѣвица,
«Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
«Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.»
Какъ отвѣтилъ добрый молодецъ
Той бабушкѣ задворенкѣ:
«Я не иду къ ней, сукѣ гончія,
«Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавыя!»
Что услышала таковы слова
Та Марина, красна дѣвица,
Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
Обернула за то Никитушку,
Обернула туромъ золоты рога.

Черезъ дальнее перечаньице, (?)
Шли калики перехожіи,
Перехожіи, переброжіи
До села его родной тетушки,
Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
Пришедши къ ней просятъ милостыню.
Какъ спроситъ ихъ Татьянушка:
«Вы отколь идете калики перехожіи,
«Изъ какой страны изъ дальнія?» —
Отвѣчали ей калики перехожіи:
«Мы идемъ теперь изъ чиста поля.»
— «Ужъ вы что тамъ въ полѣ видѣли?»
— Ужъ мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
«Три тура да три великіи,
«Что единъ-отъ туръ да золоты рога.»

—Говорила тутъ стара дѣвица
Тѣмъ каликамъ перехожіимъ:
«Вы послушайте меня, калики перехожіи,
«Воротитеся вы въ обратный путь
«Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
«Вы снесите ей мою грамотку
«И скажите ей со угрозою,
«Чтобы того она тура—золоты рога
«Отвернула бы въ прежній видъ;
«Буде она меня не послушаетъ,
«То я сама подымуся къ ней,
«Оберну ее сорокой бѣлохвостою
«И пущу летать весь вѣкъ безъ отдыху.»
Тутъ калики послушались,
Низешенько ей поклонилися,
Поклонившись шли въ обратный путь
Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Принесли ей строгу грамотку,
Говорили таковы слова:
«Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
«Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку,
«Отъ родимой твоей тетушки,
«Отъ Татьяны Александровны.»
—Тутъ Марина испугалася,
За ту грамоту робко принималася,
И читала ту грамоту скорешенько.
Прочитавши пошла во чисто поле
И кричала тура-золоты рога.
Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
Тутъ стала она тура уговаривать:
«Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
«Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
«Ты возми меня за себя замужъ.»
—Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
«Еще есть у меня молода жена,
«Хороша Настасья дочь Никулишна.»
Тутъ Марина повинялася,
Говорила ему таковы слова:
«Ужъ я думала, что ты холостъ есть.»

Во пути-то во дороженькѣ
Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
Его мать родна и молода жена
Дожидалися, дожидалися,
Не могли его дождатися.
А жена то его была умная,
На ней стали сваты свататься.
Тутъ позволила его мать родна,
Позволила ей замужъ идти,
За Алешеньку за Поповича.
Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
И поѣхали они ко Божьей церкви,
Ко святому храму вѣнчатися.
Провожала ихъ его матушка,
У высокаго терема съ дубова крыльца
Горючими слезами заливалася,
Во слезахъ она рѣчь промолвила:
«Что не знаетъ-то и не вѣдаетъ
«Мое милое чадо, Никитушка,
«Что идетъ замужъ его молода жена
«За Алешу за Поповича.»

На ту пору, на то времячко,
Не ясенъ соколъ пролетывалъ,
Не ясной-то онъ пропархивалъ,
Какъ пріѣхалъ Никита изъ чиста поля,
А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольица.
Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
«Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
«Честна вдова, Афимья Александровна?
«Шлетъ тебѣ челобитье любезный сынъ —
«Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.»
Какъ услышала она таковы слова,
Говорила она добру молодцу:
—«Ужь ты гой еси, пролетной младъ ясенъ соколъ
«И проѣзжій добрый молодецъ!
«Ужь ты гдѣ видалъ Никитушку»?
Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,

Онъ вязалъ коня къ золоту кольцу,
Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
Говорилъ ей таковы слова:
«Ужь ты здравствуй, моя мать родна,
«Что честна вдова Афимья Александровна!
«Что здорова ли моя молода жена?»
Родна матушка тутъ заплакала,
Во слезахъ ему слово молвила:
«Ужъ ты гой еси, любезный сынъ!
«Ты Никитушка, Добрыничъ свѣтъ!
«Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
«Говорилъ ты намъ таково слово:
«Девять лѣтъ тебя дожидатися;
«Девять лѣтъ уже миновалося.
«Не могли мы тебя дождатися.
«Твоя жена была умная, разумная,
«На ней стали сваты свататься:
«Я дала ей благословенье замужъ идти,
«За Алешеньку да за Поповича,
«И теперь у нихъ почестенъ пиръ.»
Какъ пріѣхали они ко Божьей церкви,
Тутъ возговоритъ Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
«Ужь ты гой еси, родимая моя матушка!
«Что честна вдова Афимья Александровна,
«Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице
«Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестенъ пиръ
«И надѣть мнѣ платье скоморохово,
«Взять съ собой гудки скоморохови».
Какъ дала ему мать благословеньице,
Тогда бралъ Никита золоты ключи,
Отпиралъ свои ларцы кованые,
Бралъ казны золотой сколько надобно
И поѣхалъ Никита на почестенъ пиръ.
Пріѣхалъ онъ ко двору да ко Алешину,
И давалъ слугамъ злата-серебра,
Никто Никиту не задерживалъ.
И входилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Гдѣ Алешинька сидѣлъ съ молодой женой,
За широкими столами за дубовыми.
Не дойдя Никита низко кланялся:

«Еще здравствуй ты первобрачный князь
«Со своей со княгиней—другобрачною!
«Ты изволь-ка князь да слова молвити:
«Мнѣ взыграть въ гудки да скомороховы.»
— Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
«Ты играй, скоморохъ, сколько надобно!»
Заигралъ онъ въ гудки да скомороховы.
Тутъ Натальюшка да догадалася:
Ужь какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки.
Какъ возговоритъ Добрыня Никитичъ свѣтъ:
«Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,
«Со своею княгиней другобрачною,
«Мнѣ налить тебѣ чару зелена вина,
«А другую чару меду сладкаго.»
—Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
«Наливай, скоморохъ, сколько надобно,
«Подноси-ко кому тебѣ хочется.»
Наливалъ онъ чару зелена видна,
Подносилъ его князю первобрачному,
А другую чару меду сладкаго,
И спускалъ туда свой злаченъ перстень,
Подносилъ княгинѣ другобрачные,
Подавалъ онъ чару, приговаривалъ:
«Выпивать до дна, увидать добра,
«А не выпивать до-дна, не видать добра.»
Она выпила чару всю до-дна,
Увидала она злаченъ перстень,
Обручальный перстень со Никитою.
Надѣвала перстень на праву руку,
Выходила вонъ изъ-за дубова стола,
Со слезами въ ноги Никитѣ падала:
«Я твоя жена мужа перваго!»
Тогда стоя Алеша призаплакался,
Онъ всплеснулъ свои руки бѣлыя,
Во слезахъ Алеша слова вымолвилъ:
«Ужъ вы гой еси, бояре и князья,
«И всѣ мои гости любезныя!
«Я теперь Алеша посмѣшенъ сталъ.
«Ужъ какъ всякой женится, снаряжается,
«Да не всякому женитьба удавается,

«Какъ мнѣ-то Алешинькѣ Поповичу,
«Что не успано-то, не улежано,
«За бѣлы груди не подержано.

Тутъ всѣ гости съ пиру собиралися,
Собиравшись домой разъѣзжалися,
А Никитушка Добрыничъ свѣтъ,
Уводилъ домой молоду жену,
Что Настасью дочь Никулишну.—

(Зап. Кн. П. А. Кострювымъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

2.

(Симб. губ. Корсунск. уѣзда, выселокъ Александровка).

Добрыня былъ Микитинъ сынъ,
Три года Добрыня хлѣбничалъ,
Три года горшечничалъ,
Три года приторговывалъ,
Три года приворовывалъ,
Три года по Кіеву гулялъ.
Спрашивалъ Добрыня:
«Гдѣ Маришкинъ дворъ?»
Маришкинъ дворъ на семи столбахъ,
У Маришкина двора два терема стоятъ,
Два терема златоверховые,
На домахъ два голуби сидятъ.
Взъѣзжаетъ Добрыня на широкій дворъ,
Сымаетъ со плечъ тугой лукъ,
Накладываетъ калену стрѣлу,
Убиваетъ сиза голубя,
Того ли змѣя Притугальника,
Маришкина друга милаго.
Закидалася Маришка, заметалася,
Въ цвѣтно платье нарижалася,
Брала Добрыню за бѣлыя руки,
Вела въ палаты каменныя,
Сажала за столы дубовые,
За скатерти браныя,

Отпирала темны заходы,
Наливала зелья лютаго
Подносила Добрынюшкѣ:
«Выкушай Добрыня, Микитинъ сынъ!»
—Прежде хозяина и попъ не пьетъ.—

(Запис. мною отъ 80 лѣтн. старика слѣпца.)

3.

(Моск. губ. въ г. Коломнѣ)

Изъ славнаго изъ города изъ Царя было града—
Выѣзжаетъ тутъ Добрыня сильный, славный богатырь,
Онъ и хвалится, выхваляется славный городъ Кіевъ взять.
«Я и Кіевъ славный городочекъ мимоходомъ его возьму,
«А Илью Муромца, Ильюху, въ ногахъ его стопчу,
«А Россійскаго князя Владиміра мечомъ голову срублю.»
Илья Муромецъ, Ильюша, призадумавши стоитъ,
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку ниже могучихъ плечъ.
Что не пыль то въ полѣ пылитъ, не дубравушка шумитъ,
Илья Муромецъ свою збрую шевелитъ.
Онъ осѣдлываетъ своего добраго коня,
Онъ накладываетъ сѣдельцо новое черкасское,
Онъ подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Онъ подтягиваетъ двѣнадцать пряжекъ серебряныхъ,
Онъ не для красоты, а для крѣпости.
И поѣхалъ Илья Муромецъ во чистое поле.
Онъ встрѣчаетъ, Илья Муромецъ, Добрыню богатыря.
Побѣдилъ Илья Муромецъ Добрыню богатыря,
И предалъ его Добрынюшку злой смерти.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Чурилушка Пленковичъ.

Чурилушко Пленковичъ, доброй мододецъ,
Вставай по-утрушко ранешенько,
Снаряжайся, Чурило, хорошехонько,
Обувай сапожки на ножки—зеленъ сафьянъ,
Зеленаго сафьяну турецкаго,
Баскаго покрою нѣмецкаго,
Щегольскаго шитья Новгородскаго—
Подъ пяту-пяту воробей пролетаетъ.
Наливаетъ онъ тазъ ключевой воды,
Умываетъ Чурило лице бѣлое,
Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
Надѣваетъ Чурило цвѣтно платьице,
На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
Сзади бы не видно кудеръ желтыихъ.
Ходитъ Чурилушко Пленковичъ
Во стойло во конинное,
Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка,
Сѣдлаетъ сѣделышко черкасское,
Онъ подтягиваетъ 12 крѣпкихъ подпруговъ;
Подпруги были шелковыя,
Шелку были шемахинскаго,
Не ради красы, а ради крѣпости
Только видѣли Чурилушку,
Сидючи на добра коня, —
Не видѣли Чурилушку поѣдуци,
Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
Увидѣла Катерина Микулична,
Поскорешенько въ окошечко бросалася:
«Слава Богу да слава Господу,
«Что пріѣхалъ Чурилушко Пленковичъ.»
Она скоро тутъ шла по новымъ сѣнямъ,
Отпирала тутъ двери дубовыя,
Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
Брала его за бѣлы руки,
Целовала его да въ сахарны уста;
Она провела во свѣтлую свѣтлицу,

Садила на стульица кленовыя,
За эти за столы, за дубовыя;
Нанесла ѣства сахарніи,
Налила питья медьяныя,
Подходящи ко столу да покланялася:
«Что кушай-ко гостьюшко родимой.»
Садилася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
Схватилася Катерина Микулична
За этого коня да вѣдь за добраго.
Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
Отворяла воротечка широкія;
Она брала Чуриловина конюшка,
Она вела на стойло на кониное,
Она сыпала пшонушки сытніи.
Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
Она брала дощечку да шашечку:
«Станемъ-ко, Чурилушка,
«Во шашки играть.»
Они часъ-то—тъ играли.
Тутъ и спроговоритъ Чурилушка:
— Ай же ты, Катерина Микулична,
— Лучше сядемъ на кроваточку забавимся. —
Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
Тутъ увидѣла дѣвченочка черная,
Она черна злодѣйка челяденная,
Испроговоритъ Катеринѣ Микуличнѣ:
«Это што у тя, Катерина, за гость гоститъ,
«Будто братъ родной?
«Донесу Бермасу сыну Васильевичу.»
Испроговоритъ Чурилушко Пленковичъ:
— Ай же ты дѣвченочка черная,
— Не доноси на Катерину Микуличну,
— Вотъ тебѣ полтина на бѣлилушка,
— И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
— Вотъ-те третья полтина на костычъ-сарафанъ,
— Ай же, ты дѣвченочка черная,
— Вотъ тіе шапочка въ пятьсотъ рублей,
— Пушиста, ушиста, зависиста,
— Чтобы спереди невидно лича чернаго,
— Чтобы сзади не видно пучка вшивого. —

Тутъ испроговоритъ Катерина Микулична:
«Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,
«А эту шапочку самъ сноси.»—
Поворотъ держитъ дѣвчинушка черная,
Она скоро-то шла по чисту полю,
Поскорѣе того да во Божью церкву.
Некрестя она идетъ да лича чернаго.
Увидалъ да Бермасъ сынъ Васильевичъ
Онъ вѣрную свою да ту служаночку,
Подходяій жъ онъ къ ней поближешенько,
И разговариваетъ ричь да умильнешенько:
«Ай же моя вѣрная служаночка,
«Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстьицемъ?»
Испроговоритъ дѣвченочка черная:
—Какъ у твоей Катерины Микуличны
—Да гость гоститъ, будто братъ родной.—
Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,
Замыкаетъ церкви онъ священныя,
Садится тутъ онъ да на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ да къ своему дому.
Увидала тутъ Катерина Микулична,
Что пріѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:
Куды класть Чурилушку Пленковича?
И спроговоритъ Чурилушко Пленковичъ:
«Ай же Катерина Микулична,
«У васъ есть то въ домѣ да кованы ларцы,
«Вы замкните меня во кованый ларецъ.»
Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,
Тутъ встрѣчала она да своего мужа.
«Что же ты, Катерина Микулична,
«Въ одной рубашкѣ безъ костычка, *
«Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмачковъ.
Отвѣчатъ тутъ Катерина Микулична:
—Послѣ васъ то вѣдь я да понеразмоглась.—
Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
Къ той дѣвченочкѣ черной:
«Стала говорить, такъ договаривай,

---

* Сарафана.

«Стала доказывать, доказывай.»
Испроговоритъ дѣвченочка черная:
— Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,
— Сходите вы на стойку на конинную,
— Тамъ увидаете конюшка Чурилина.—
Сходилъ то Бермасъ да сынъ Васильевичъ
На стойло на кониное,
Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.
Тутъ приходитъ онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:
«Что же есть Чурилино конишечко?»
Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:
— Во чистомъ полѣ оны да разъѣзжаются
— Со конемъ оны братцемъ родимымъ,
— Оны другъ другу встрѣчу стрѣчалися,
— Оны златыми крестами побраталися,
— И добрыма конями помѣнялися.—
И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:
«Что знаешь, такъ теперь же ты доказывай.»
Испроговоритъ вѣрная служаночка:
— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,
— Извини, прости ты насъ да во всей глупости,
— У васъ есть то въ домѣ кованы ларцы.
— Ты возми ко ларецъ да во бѣлы руки,
— Подъими-ко ларецъ да выше головы,
— Ты пусти ко ларецъ да на дубовый полъ—
— На три части ларецъ да поразлетится,
— Оттуль выскочитъ Чурилушко Пленковичъ.
Поскорешенько онъ тутъ поворачается
Во свои во свѣтлыя свѣтлицы:
Тутъ бралъ онъ свои да кованы ларцы;
Онъ кидаетъ ларецъ да о дубовый полъ—
Оттуль повыскочилъ Чурилушка Пленковичъ.
Молодецкое сердечко разгорѣлося...
Онъ береть да свою саблю острую
Срубилъ тутъ у Чурилы буйну голову:
Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,
Срубить хочетъ у Катерины буйну голову.
Съ горючьми слезми она да помолилася,
Своему да мужу покорилася,

Чтобъ не срубилъ бы онъ да буйной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

(Обоянск. Зап. К. В. Барсовъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Изъ временъ татарщины.

1.

(Нижег. губ. Островскаго уѣзда.)

Не вода въ города понахлынула—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду въ полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотятъ.
Ахъ ты, батюшка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто городовъ,
Сто городовъ, сто и пригородковъ.
—Не вода въ города понахлынула,—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду во полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотятъ.
Ахъ ты, матушка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто локоть полотна...

(Очевидно неоконченная. Собщ. И. А. Семевскимъ.)

2.

(Вятск. губ.)

Не спала бъ я, не дремала,
Ничего во снѣ не видала, 2.
Только видѣла одинъ шатрикъ. 2.
Что въ томъ шатрикѣ злой Татаринъ, 2.
Передъ нимъ стоитъ русска дѣвка, 2.
Она плачетъ и возрыдаетъ, 2.

Злой Татаринъ унимаетъ:
«Ты не плачь, не плачь русска дѣвка! 2.
«Я куплю тебѣ синю шубу.»
—Мнѣ синей шубы не носити, 2
Зла Татарина не любити.»
«Ты не плачь, не плачь русска дѣвка!
«Я куплю тебѣ зарукавье.»
—Мнѣ рукавицы поносити,
Зла Татарина полюбити.

(Сообщ. Н. А. Александровымъ.)

3.

Я изъ Крыму, братцы, изъ Нагаю;
И (гдѣ?) стояли орды бусурманскія.
А ѣхали два братца родные;
Подъ большимъ-то братомъ конь уставаетъ,
А меньшой за большаго умираетъ.
Ай гой еси, мой братецъ родимой,
А я тебя братецъ посверстнѣе
А пѣшій ту дороженьку поведу.
Когда было добру молодцу время,
Народъ-господа его почитали,
А стало доброму молодцу безвременье,
Никто де молодца не почитаетъ,
А самъ себѣ молодецъ размышляетъ:
Соколъ ли то на семъ свѣтѣ не птица?
На его то безвременье бываетъ,
Онъ пѣшъ по чисту полю гуляетъ.
Худая та птичка куличонка,
И то надъ соколомъ насмѣялась,
Напередъ-то его залетѣла.
Вольная птичка пташечка перепелочка,
Куда она захотѣла, туда и полетѣла,
Гдѣ мѣсто наробила, тутъ и сѣла,
Садилась вольна пташечка въ чистомъ полѣ
При широкой при Московской при дороженькѣ
Во бѣлую ярую во пшеницу,

Горемышную свою пѣсенку запѣла:
Не ной, не ной ретивое сердечко,
Не плачь, не плачь душа красная дѣвица, —
Ни батюшка, ни матушка за мужъ выдала—
Сама, увы, дѣвица похотѣла
За вольнаго за низоваго бурлака; —
Сказали: у бурлака денегъ много,
У него одинъ хлыстъ да котомка вязовая,
Котомка вязовая да бичевка пеньковая.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ. Самарск. губ.)

ПРО ВАНЮШУ КЛЮШНИЧКА

и

Князя Волхонскаго.

(Сарат. губ. Хвалынск. у. с. Безобразовка.)

1.

Ахъ былъ я, братцы, во святой Русѣ,
Во святой было Русѣ, въ каменной Москвѣ.
Тамъ построены полаты новыя каменныя.
Какъ во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь,
Не одинъ то-онъ жилъ княжечикъ—съ молодой своей княгиней.
У этого у князя былъ душа Ванюша—вѣрный ключничекъ.
И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со его,
Ни сколько ни мало, ровнехонько три года.
На четвертыимъ на годочку самъ князь довѣдался,
Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослышался
Отъ молоденькой дѣвченочки, отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Выходилъ князь Волхонскій на крашёнъ, на новъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ ты мой!
«Ты поди сюда Ванюша на крашенъ, на новъ крылецъ.»
Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,

Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату его,
Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу спрашивати:
«Ты скажи душа Ванюша всеё правду мнѣ,
«Всеё правду мнѣ, правду истинную, —
«Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ жить?»
— Знать то я не знаю, князь Волхонскій, и не вѣдаю. —
И ударилъ князь Волконскій по бѣлу Вани лицу,
И по бѣлому по личику, по щекѣ румяной,
Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
Изъ очей его ясныхъ слезы покатились, словно градъ.
Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашёнъ бѣлъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы слуги, мои слуги, слуги вѣрные мои,
Ужъ вы стройте-ко, ребята, крашенныя рельица,
И вейте поскорѣе шелковыя петельки,
И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника,
Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку.
—Подвели душу Ванюшку къ крашеннымъ ко рельицамъ.
И сталъ душа Ванюша крѣпко умаливати:
«Ужь вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нее.
Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать
И всю правду зачалъ разсказывать:
То-то ребята сколько было попито, поѣдено,
Съ молодой княгиней сколько погулянно,
И цвѣтное платье сколько поношено.
— И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко.
И онъ на рельцахъ качается, —
Молода княгиня о немъ печалится.
И на третій день княгиня сама скончалася,
Подъ этими рельицами вострымъ ножикомъ зарѣзалася.
Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылецъ, —
Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ соль не кушати!

(Видно не кончена)

(Записана мною 23 Іюля 1872 г. отъ крест. Ѳед. Сем. Вдовина.)

2.

(Томской губерніи).

По Устрѣтенской большой улицѣ
Строились полаты бѣлокаменны,
Что во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь.
У того ли было у князя собраньице не малое,
Собиралися къ нему князья бояре все,
Ужъ какъ сильные могучіе богатыри.
Еще кто изъ нихъ хвалится своей силою,
Еще кто хвалится золотой казной.
А какъ нашему князю нечѣмъ похвалитися,
Похвалился нашъ Волхонскій молодой женой,
Молодой своей женой, душей княгинею.
Выходила тутъ, выступала млада ключница,
Ключница на ключника съ докладомъ шла:
— «Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка Волхонскій князь!
— Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,
— Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь,
— Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
— Не годъ она живетъ, не два живетъ,
— «Какъ живетъ твоя княгиня ровно три года. —
Выходитъ князь Волхонскій на широкій дворъ,
Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:
«Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
— Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника.»
Ужь какъ ключница съ докладомъ шла:
«Охъ ты, гой еси, ключникъ! тебя князь требовалъ,
Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
Не министромъ, думнымъ сенаторомъ.»
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
—Засвистѣлъ, закричалъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
«Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите мнѣ добра коня,
Добра коня виноходнаго,
Засѣдлайте мнѣ его сѣдломъ черкасскимъ.»
Бралъ себѣ ключничекъ плеть шелковую,
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
Какъ садился ключникъ на добра коня,
Его до брый конь стоитъ не тряхнется,

Что у ключника кудри не ворохнутся.
Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
— «Вы прощайте мои слуги вѣрные,
Слуги вѣрные мои неизмѣнные!»
Пріѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ,
Никому-то коня взять не приказывалъ,
Ни къ столбу то его не привязывалъ,
Ни къ кольцу-то ни къ злаченому,
Заходилъ-то ключникъ во полатушки:
«Охъ ты, гой еси, батюшка Волхонскій князь,
Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»
—Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя жаловать,
Министромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
Промежду двумя столбами дубовыми,
Перекладиной тебя дубовою.
Повели млада ключника на висѣлицу,
Княгиня во палатахъ бѣсится,
Ключникъ во петелькѣ качается,
Во палатушкахъ княгиня кончается.

(Изъ ст. Г Н. Потанина: «Югозападная часть Томской губ. въ этнограф. отношеніи» въ Этногр. сборникѣ изд. Имп. Геогр. Общ., выпускъ II, 1864 г. стр. 95-6.)

3.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Какъ во далече-далече въ каменной Москвѣ,
Въ той было улочкѣ Успенской,
Тутъ живетъ-проживаетъ батюшка Волхонскій князь,—
У него да проживаетъ молодой денщикъ,
Молодой денщикъ да Ванька клюшничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ, Ванюшка не два года,
Онъ живетъ у него да три годочка,
На четвертый годочекъ князь довѣдался,
Самъ на него прогнѣвался.
Выходитъ князь на высокъ балконъ;

И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли при мнѣ слуги,-слуги вѣрные мои?
«Вы пойдите, приведите Ваньку клюшника.
Ведутъ-то, ведутъ Ванюшеньку не пьянова,
А ведутъ его избитова.
Его буйная головушка изломана,
Каленкорова рубашка вся изорвана,
Матерева жилетка кровью призабрызгана,
Приводятъ Ванюшку ко князю кайться.
Началъ его князь грозно спрашивать:
«Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься!»
Отвѣчаетъ князю Ванюша клюшничекъ.
«Я, сударь, не знаю, не вѣдаю....
—Я за то тебя, Ванюшка, подарить хочу,
— Двумя селами со деревнями...
«Я самъ знаю про то вѣдаю:
Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной,
Четвертой то шелковой петелькой
За мою вину, да за проступочку,
За веселую мою да гуляночку.
Не веди ты на насъ гнѣвъ да свою пѣнюшку,
Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
На свою супругу благовѣрную.
За охотниками она была охочая...
Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
Между двумя столбами съ перекладиной.

(Записана Членомъ сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я. Кокоревымъ.) (Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

4.
(Москва.)

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
Стоялъ новъ высокъ теремъ;
Ужъ и въ этомъ теремочкѣ,
Жилъ да былъ Волхонскій князь. *

---

* Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,

Какъ у эвтаго-ль у князя
Были слуги вѣрные,
А ужъ всѣхъ то ихъ вѣрнѣе
Былъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ужь и годъ любилъ Ванюша,
Онъ другой любилъ.
А на третій годъ про эвто
Самъ ли князь довѣдался,
Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
Самую паскудную. *
Ужь и вышелъ князь Волхонскій
Онъ на свой красенъ крылецъ; **
Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы, гой еси, мои холопья,
Слуги мои вѣрные!
Вы возмите-ка, возмите
Заступы желѣзные,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте тутъ, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,

Что еще того подальше—
Во просѣлочкѣ во Дмитровскомъ —
Тамъ живетъ-то, поживаетъ
Батюшка Волхонскій князь.
Не одинъ онъ поживаетъ—
Съ молодой княгинею.

* Онъ не годъ то съ ней годуетъ,
Не другой годъ съ ней живетъ,
Что на третьемъ на годочкѣ
Скоро князь довѣдался
Черезъ бестію каналью
Да сѣнную дѣвку.

** На новое на крылечко.

Вы повѣсьте, вы повѣсьте
Петельку шелковую;
Вы подите, приведите
Вора Ваньку клюшника.»
Ой ведутъ Ванюшу,
Руки ноги скованы,
Шелкова его рубашечка изодрана,
Его буйная головка
До мозгу проломлена,
А сафьяны сапожки
Кровью залиты. *
Ой ведутъ, ведутъ Ванюшу!
Самъ князь усмѣхается:
«Ты скажи, скажи, Ванюшка,
«Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
«Ты съ какой поры со времени
«Со княгиней свѣдался?
—«Ничего, сударь, не знаю,
— Ничего не вѣдаю.
— Ужь и гдѣ-же мнѣ холопу
— Со княгиней знатися?.....
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
— Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
— Вора Ваньку клюшника!
—«Нѣтъ постойте-ка, постойте,»
Вы мои товарищи!
Ужъ вы дайте мнѣ потѣшить
Нашего боярина.
«Ужь и третій годъ я, сударь,

---

* Что ведутъ Ванюшу
За бѣлыя руки;
Какъ у Ванюшки
Головка проломлена,
Горнетурова рубашечка
Вся изодрана;
А сафьяные сапожки
Кровью пропаполнены.

Со княгиней знаюся:
Что въ этомъ теремочкѣ
Много было гуляно,
На пуховой ли перинѣ
Много было лежано,
За бѣлыя ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость
Часто было ругано!›—
—‹Ну повѣсьте же, повѣсьте
Вора Ваньку клюшника,
Молодой моей княгинѣ
Вѣрна полюбовничка!
Ужь пускай же воръ Ванюшка
Пускай покачается,
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!›—

5.

(Воронежск. губ. Бобровск. уѣзда.)

Какъ поссорился Ванюша
Со сѣнною дѣвушкой*,
Что съ такою шельмою связался—
Съ самою послѣднею,
Начала эта дѣвчонка
Угрозы угроживать:
‹Ты добро, добро, ты Ванюша,
Добро шельма ключничекъ!›
Что дойдутся эти рѣчи
Рѣчи самому князю:
‹Охъ ты князь, князь нашъ Волхонскій,
Все ты пьешь, гуляешь,
Ничего ты въ своемъ дворѣ
Не знаешь, не вѣдаешь,
Что молода твоя княгиня

---

* Въ пѣснѣ каждое двустишіе повторяется два раза.

Живетъ съ Ванькою клюшничкомъ!»
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, слуги, мои слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите
Ко мнѣ Ваньку клюшничка,
Молодой моей вотъ княгинѣ
Вѣрна полюбовничка.»
—Ты поди-ка, Ванюша,
Поди, тебя баринъ зоветъ;
Какъ и хочетъ тебя баринъ,
Хочетъ тебя жаловать
Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
Своимъ воронымъ конемъ».
Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
Идетъ широкимъ дворомъ;
Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка
Съ кровью перемѣшана.
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги, мои слуги,
Вы подите-же, берите
Лопаты широкія,
Вы копайте, вы копайте
Вы ямы глубокія,
Становите вы столбочки,
Столбочки точеные,
Вы кладите перекладъ,
Перекладъ кленовый,
Вы цѣпляйте, вы петельку
Петельку шелковую! *

---

* Вы берите-тка ребята
Лопаты желѣзныя;
Ужь вы ройте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія;
Становите-тка ребята
Два столба точеные,
Вы [illegible] ребята

Закричалъ-та Ваня клюшникъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты, князь, нашъ князг, Волхонскій! *
Прикажи мнѣ пѣсню спѣть: **
«Что съ твоей младой вотъ княгинею
Попито, погуляно,
Въ сахарныя вишь усточки
Было поцѣловано!»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ, вы слуги, мои слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите же Ванюшку,
Цапляйте за голову!»
Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
Въ петелькѣ кочается,
Молодая его вотъ княгиня
Въ терему канчается,
А какъ самъ то князь Волхонскій
Стоитъ, улыбается.
Выходила сѣнная дѣвка
Самая послѣдняя:
«Охъ, ты князь, князь нашъ Волхонскій,
Загубилъ ты три души:
Эхъ какъ двѣ души вотъ виновныя
«Третья не виновная!» [1]

Перекладину дубовую;
Вы вбивайте-тка, ребята,
Два кольца золоченыя.

* Охъ ты, батюшка, Волхонскій князь!

** Во садикѣ во зелененькомъ
Тамъ стояла ли, стояла
Кроватка тесовая,
Какъ на этой ли кроваткѣ
Перина пуховая,
Какъ на этой ли перинѣ
Ваня часто сиживалъ...

[1] По народному объясненію, это значитъ,—княгиня была беременна.

6.

(Калужск. губ.)

Ужъ какъ жилъ-то, поживалъ
Батюшка Волконскій князь.
Какъ у этого у князя
Былъ Ванюша клюшничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ужъ и годъ живетъ Ванюша,
Ваня и другой живетъ,
А на третій-то годочекъ
Самъ-отъ князь довѣдался,
Черезъ дѣвку, черезъ сѣнную,
Черезъ самую послѣднюю.
Выходилъ нашъ князь Волхонскій
На крыльцо высокое,
Говорилъ нашъ князь Волхонскій
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
«Ужъ вы слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите-тка, возьмите
Лопаты желѣзныя,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте-ка, поставьте
Два столба высокіе;
Положите-ка, положите,
Перекладину кленовую,
Вы возьмите, приведите
Вора Ваню клюшничка,
Молодой моей княгини
Вѣрна полюбовничка.
Пускай Ванина головушка,
Пускай покачается,
Молодая то княгиня
Пущай попечалится.»
Ведутъ Ваню, ведутъ Ваню,
Ваню вора, клюшничка.

Какъ у Вани то головка
До мозгу проломлена,
А сафьяновы сапожки
Кровью понаполнены,
Миткалинова рубашка
Вся на немъ изорвана.

(Записана А. Н. Афанасьевымъ.)

7.

Московск. губ., Коломна.

Любила княгиня своего лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ князь про княгиню,
Что любитъ она своего лакея.
—Есть ли у меня вѣрные слуги,
Вѣрные слуги мои лакеи?
Берите вы, слуги, тугіе луки,
Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло лакея,
Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку.»—
Увѣдала княгиня про своего лакея:
—Есть ли у меня вѣрные слуги,
Вѣрные слуги мои лакеи?
Вяжите, вяжите шелковы неводы,
Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
Ловите, ловите бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло моего лакея.
Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
Несите вы тѣло во свѣтлицу!
Вздуньте, вы вздуньте, буйные вѣтры,
Выньте, вы выньте душу изъ князя,
Душу изъ князя моего мужа,
Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло моего лакея,

Моего лакея, моего милаго.
Кого я любила, того-бъ оживила!—
Кого не любила, того-бъ погубила.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

8.

(Псковск. губ.)

Далече-подалече было въ каменной Москвѣ,
Во второй улицѣ во Дмитровкѣ
Жилъ, проживалъ Волхонскій князь.
У этого князя жилъ Ванюшка клюшничекъ,
Молодой его княгинѣ вѣрный полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ Ванюша,
Ванюшка и другой живетъ,
Ну на третій на годочекъ самъ князь довѣдался
Отъ такой ли отъ дѣвчонки,
Дѣвчоночки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной отъ самой послѣдней.
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
—Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя,
Подите-ка, возьмите лопаточки желѣзныя,
И ройте, копайте двѣ ямы глубокія;
Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
Вы кладите перекладину новую, ясновую!
Вы бейте, вколотите два кольца желѣзныя,
И вѣшайте, повѣшайте, двѣ петли шелковыя! —
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
—Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные мои,
Вы ведите, приведите вора Ваню клюшничка,
Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка.
Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
По славной, по Митровской.
У Ванюши головка поизломана,
Кашимировымъ платкомъ головушка связана,
Коленкорова рубашечка кровью вся измочена.

Самъ стоитъ князь Волхонскій, надсмѣхается,
Надъ его буйною головушкой надругается;
А Ваня князю возмоляется:
—Позволь, князь Волхонскій, нову пѣсню спѣть:
«Дальше-подальше въ каменной Москвѣ
«Жилъ проживалъ Ванюшка клюшничекъ,
«У этого князя былъ зеленый садъ,
«Въ этомъ садикѣ горенка новая,
«Въ этой горенкѣ кроватка тесовая,
«На кроватушкѣ перинушка пуховая.
«Въ этомъ во садишкѣ Ваней погуляно,
«На этой на перинѣ много полежано,
«Въ этой во горенкѣ съ молодой княгинеи погуляно,
«Съ молодой княгиней полежано,
«Молоду княгиню за груди подержано,
«По черному по соболю Ваней подрано.»
Надъ Ванюшиной головушкой князь надругается:
«Пусть Ванюшина головушка покачается,
«Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

(Сообщ. М. И. Семевскимъ.)

ПѢСНЯ О ВАНѢ КЛЮЧНИКѢ.

(Самара.)

Спѣла ягодка лѣсная,
Пре-укрыта и спѣла;
Свѣтъ-княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила....

* * *

Какъ у князя былъ Ванюша,
Кудреватый молодой—
Ваня клюшникъ, злой разлучникъ,
Мужа стараго жены....

* * *

Я не даривалъ княгиню.....
Ни парчей, ни кумачомъ,
Она льнула ко дѣтинѣ,—
Какъ сорочка ко плечу....

* * *

Цѣловала, миловала,
Подносила чару мнѣ.....
Потайкомъ меня клала
Спать на князеву постель.

* * *

По извѣстнымъ наговорамъ
Князь дознался про вину,
Князь дознался, догадался,
Посадилъ подъ ключъ жену....

* * *

Ужь вы слуги, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!....
Вы подите, приведите,—
Ваню клюшника ко мнѣ

* * *

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
Ванѣ вѣтеръ кудри вьетъ,
А княгиня за Ванюшу
Свою душу отдаетъ....

* * *

Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколь съ княгиней долго жилъ?
. . . . . .
. . . . . .

* * *

—О томъ вѣдаетъ подушка,
И пуховая постель,
И тканьево одѣяло,
Полотняна простыня.—

* *
*

—Ужь вы слуги, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!
Ужь вы выройте двѣ ямы
И поставьте два столба.....

* *
*

Вы повѣсьте-ка Ванюшу
Во шелковую петлю.
Вотъ виситъ, виситъ Ванюша
Во шелковой во петлѣ.

* *
*

И Ванюшу все качаетъ,
Какъ былинку на межѣ,
А княгиня во свѣтлицѣ
Умираетъ на ножѣ.

(Новѣйшая, сочинен. Зап. Г. И. Акатинымъ.)

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

1.

Царь собирается въ походъ на Казань. Прощанье войска съ родными.

(Симбирск. губ. Корсун. уѣзда, с. Усть-Урень.)

«Ты куда, куда собираешься
«Православный царь изъ Москвы въ Казань?»
Не одинъ то православный царь собирается,—
Беретъ добраго молодца и меня съ собой,
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося;

Хотѣлося въ Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
При дворцѣ служить государевомъ.
Ничего то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось, *
Да только жалко мнѣ зеленаго саду,
Да жалко мнѣ (добру молодцу) въ саду три деревца:
Первое деревцо—кипарисово,
Другое деревцо—зелена груша,
Третье деревцо—сладко яблонько.
Кипарисово деревцо—родной батюшка,
А зелена груша—родная матушка,
Сладко яблонько—молода жена.
Гдѣ батюшка плачетъ—тутъ рѣка течетъ,
Гдѣ матушка плачетъ—ключи быстры текутъ,
Гдѣ жена плачетъ—туманъ съ дождемъ.

(Записано мною въ 1856 году отъ ратника Н. Картавенкова)

2.

Казань-городъ.

У колодеца было да у студенаго,
У того клюца да подземельнаго,
Красна дѣвица да воду черпала,
Добрый молодецъ коня поилъ;
Онъ коня поилъ да коня добраго,
Онъ красну дѣвчину да обманывалъ,
Обманывалъ, подговаривалъ:
«Ты иди, дѣвица, за меня замужъ,
«За меня замужъ во Казань городъ.
«Нашъ Казань городъ на горѣ стоитъ,
«Казань рѣченька да медомъ течетъ,
«Мелки ручейки да зеленымъ виномъ,
«По горамъ да по высокіимъ
«Лежатъ камешки да самоцвѣтныи,
«По лугамъ да по зеленыимъ

---

* Не жалѣе.

«Трава ростетъ да вѣдь шелковая,
«На травѣ цвѣтутъ цвѣты лазуревы,
«По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
«Дороги звѣри—куны заморскіе,
«Еще съ по морю-морю синему
«Изпо-синему морюшку турецкому —
— Тутъ онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ: —
«Ужь у меня по морю-то ходитъ 30 кораблей,
«Какъ единъ-то корабль изукрашенъ былъ,
«Ещё корма да носъ излажены по турецкому,
«Ещё парусы на корабляхъ камчатые,
«Снурочки на корабляхъ шелковые,
«Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
«По дорогому по камню по яхонту,
«Мѣсто бровь-то было да проведено
«По дорогой куницѣ по заморской».
— Не подговаривай же, добрый молодецъ, не обманывай;
— Я сама знаю, сама вѣдаю
— Про славной вашъ про Казань-городъ:
— Въ Казань-городѣ я родилася,
— Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
— Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася.
— Казань-рѣченька водой течетъ,
— Мелки ручейки да горючьми слезьми;
— По горамъ вашимъ высокіимъ
— Не камышки да самоцвѣтныи;
— Лежатъ головы да все буйныи;
— На лугахъ трава не шелковая,
— Растетъ травонька да все болотная;
— По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
— Звѣри да все съѣдучіи,
— Зміи да все клевучіи.
— Изъ-по морюшку по турецкому
— Ходятъ корабли все да шведскіи.
— По пустымъ ты, добрый молодецъ, расхвастался,
— Я замужъ пойти да тутъ не вздумала.

(Зап. Членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Походы Грознаго и жалоба войска.

а)

(Тверск. губ. Весьегонск. уѣзда, сел. Смердыня).

Ты долина ль, моя долинушка,
Раздолье мое широкое!
На тебѣ ли моя долинушка
Ничего не уродилося:
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазорева цвѣточка.
Уродился ли на этой долинушкѣ
Одинъ только садичекъ зеленый.
Мимо этого-ли садика
Пролегала путь-дороженька.
Что по этой ли по дороженькѣ
Никто не ходилъ, не прохаживалъ,
Только шли-прошли по этой дорожкѣ
Одни горькіе солдатушки,
Они шедши преустали,
На нихъ тонкія рубашечки
Крѣпко къ тѣлу припотѣли.
Ничего то ли въ этомъ садикѣ,
Ничего то въ немъ не слышно, —
Только слышно въ этомъ садикѣ,
Какъ кукушка скуковала.
Не кукуй сѣрая кукушечка,
Не кукуй такъ жалобнещенько!
Безъ тебя ли намъ, кукушечка,
Безъ тебя намъ жить тошнехонько:
Распрогнѣвался на насъ благовѣрный царь,
Благовѣрный царь, свѣтъ Иванъ Васильевичъ,
Какъ загналъ онъ насъ во чужіе краи, *

---

* Разнословье:

(Тульск. губ.)

Загналъ насъ православный царь
Безъ вѣсти далече, 2.
Безъ вѣсти далече

Въ чужіе краи дальные,
Что къ синю морю Хвалынскому,
Ужъ какъ биться ли съ басурманами,
Съ басурманами, злыми татарами.

(Зап. семинарист. Тверской семинаріи).

б)

(Сарат. губ. Сердобск. у. с. Пяша.)

Ты долина моя, долинушка,
Охъ да широкое мое раздолье!
Ничего, ничего-то ты, моя долинушка,
Ничего ты намъ не уродила:
Да ни травыньки, ни муравыньки,
Ни лазорева-то цвѣточка;
Уродила же ты моя долинушка,
Уродила же ты намъ кустъ калинки,
Какъ на томъ, на томъ кусточкѣ
Сидѣла горькая кукушка.
Вотъ кукушка, она горькая, горемычная,
Жалобнехонько она кукуетъ.
Не кукуй-ка, не кукуй-ка, горькая кукушка,
Въ моемъ зеленомъ садочкѣ!
Охъ да не давай-ка, не давай-ка,
Намъ солдатушкамъ, не давай тоску на душу!
Ужь и такъ-то намъ, солдатушкамъ,

На крайнюю границу.
Познобилъ насъ православный царь
Холодною зимою,
Поморилъ насъ православный царь
Голодною смертью.
Нѣтъ ни вѣсти, ни грамотки
Съ родимой сторонки,
Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,—
Осталась одна молода жена,
Осталась одна молода жена,
И та замужъ вышла за бурлака.

(Зап. мною въ 1864 г.)

И такъ-то намъ въ службѣ тошно:
Загналъ-то насъ, загналъ православный царь,
Загналъ-то насъ въ ины земли,
Ахъ да во иныя-то во землюшки,
На самую-то на границу,
Охъ, да поморилъ то насъ,
Поморилъ нашъ православный царь,
Поморилъ-то насъ голодной смертью.
Да не чуть-то ничего
Съ любимой сторонушки
Ничего только не слышно;
Только слышно про мою хозяюшку,
Слышно, будто она замужъ вышла
За такого-то, баютъ, за бурлаченку,
За бурлака молодаго.
Сказали про того бурлаченка,
Что бурлакъ богатъ больно,
Объявилъ-то, объявилъ этотъ бурлаченка
Всего только три полушки:
Какъ и первую-то полушечку
Попу за вѣнчанье,
А другую-то полушечку
Дьячкамъ за читанье,
Какъ и третья-то полушечка
Женѣ на разживу:
Живи-ка, моя хозяюшка,
— Живи-ка ты, разживайся,
Ни объ чемъ ты не печалься,
Поживемъ подольше
Наживемъ побольше.

(Зап. А. А. Мясоѣдовою.)

Неожиданная помочь Царю подъ Казанью.

(Симбирск. губ. Корсун. у. с. Усть-Урень.)

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полечкѣ,
А еще того подалече на синемъ моречкѣ,
Какъ на славныимъ на Черностовскіимъ было островѣ:
Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,

Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
Сходѝлися музурушки персидскіе
И низовые бурлаченьки безпашпортные. *
Они думали-гадали думу крѣпкую заединую,
Выбирали себѣ атаманушку походнаго.
— «Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
— Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?» —
— «Атаманомъ быть у насъ—Степану Тимоѳеевичу,
— А есауломъ слыть—Микитѣ Романовичу.»
Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ.
Атаманушка рѣчь возговоритъ—какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ—какъ въ свирѣль заиграетъ:
— «Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти во славну Астрахань?**
«Мы пройдемъ, братцы, въ славну Астрахань во глухую полночь,
— Ужь и купимъ, братцы, атаманушкѣ забавушку—коня добраго,
— А есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.

(Зап. мною отъ крестьянина Цыплова въ 1856 г.).

Разнословья:

* Сходѝлися музурушки персидскіе,
Бурлаченьки низовые безпашпортные,
И собирались они во единый кругъ,
Они думали-гадали думу крѣпкую, заединую:
Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
--Атаманомъ быть Матвѣюшкѣ Тимоѳеевичу,
— Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»

** Ужъ какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астрахань?
Ужъ какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять?
Ужъ чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
— Ужъ мы да купимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
— Еще купимъ мы ему саблю вострую,
— Есаулу мы закупимъ ружье огненно,
— И поѣдемъ гулять по возморьицу.»

(Зап. мною отъ раскольника Н. Картавецкова.)

По слѣдующему ниже разнословію эта пѣсня дальше довольно подробно распространяется о взятіи Грознымъ Казани помощью С. Разина, о пирахъ Царя въ Москвѣ по возвращеніи съ похода, о казни и спасеніи сына его и пр., но, къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ записать это замѣчательное продолженіе вполнѣ, какъ слѣдуетъ, пѣсеннымъ ладомъ: старикъ мой говорилъ чрезвычайно быстро и складно, и когда я его прерывалъ, онъ тотчасъ терялъ тонъ и мѣру, сбивался совершенно съ толку и совсѣмъ иначе продолжалъ. При вторичномъ же пересказѣ онъ еще пуще сбивался, съ трудомъ даже вспоминалъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ имъ сказанное, словомъ, у него во многихъ мѣстахъ не выходило ничего путнаго, и я долженъ былъ удовольствоваться нѣкоторыми только отломками изъ прежняго прекраснаго цѣлаго. Вотъ они:

Послѣ стиха:

«Атаманушка самъ по округу похаживаетъ»

у моего старика слѣдуетъ:

На немъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу.

Послѣ стиха:

«А есаулу купимъ забавушку-ружье огненное»

у него слѣдуетъ:

И возговоритъ атаманъ, Степанъ Тимоѳеевичъ:
«Подъ Казань-городокъ стоитъ бѣлый царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, семь годовъ,
«Не взяміи Казань-городокъ, хочетъ прочь итти,—
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ:
«Волжскій-городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ-городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣдой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню
. . . . . .
. . . . . .
«Какъ намъ, братцы, пристать, къ пристани?

«Еже ли бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
«Еже ли кормой пристать, ловить станутъ,
«Еже ли пристать носомъ, примутъ подъ руки:
— «На подмогу ѣдутъ къ намъ!»
Вотъ царь Иванъ Васильевичъ шлетъ посланника:
«Еже ли бокомъ пристали,—палить изъ пушекъ,
«Еже ли кормой пристали,—ловить ихъ,
«Еже ли жъ носомъ пристали,—принять ихъ подъ руки».
И призываетъ онъ атамана: скажись ты мнѣ: кто?
— Слыхалъ ты, Степанъ Разинъ Тимоѳѣевъ съ молодцами. —
— «Много ли у тебя посланниковъ?»
— Триста человѣкъ. —
— «Во всѣхъ винахъ я тебя прощаю,
Только скажи, какъ Казань городъ взять?»

. . . . . .

Подвели подкопъ подъ Казанку, подъ рѣку,
Подъ Казанку подъ рѣку, подъ порхову казну,
Затеплили свѣчи на бочкахъ и вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.
Осердился царь Иванъ Васильевичъ:
Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ.
И хочетъ его царь казнить.
— «Царь Иванъ Васильевичъ!
На верху свѣчка теплится—ее вѣтромъ качаетъ».
Только переговорили, и зачало бочку рвать,
И полетѣли стѣны: гдѣ нога, гдѣ рука, гдѣ татарска голова...

. . . . . .

Пріѣзжаетъ царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,
Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему:
Гдѣ хвалятся конями, гдѣ хвалятся женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми....

. . . . . .

(Зап. мною въ 1856 г. отъ 80-лѣтняго слѣпаго старика, имя котораго, къ сожалѣнію, не помню).

Взятіе Казани.

(Самарск. губ.)

а)

Охъ вы старые старики, пожилые мужики!
И кто бъ намъ сказалъ про Казань-городъ,
Про того царя про Ивана Васильевича?
Еще Грозный царь Иванъ Васильевичъ Казань-городъ бралъ,
Подъ Казаночку подъ рѣку подкопъ подводилъ, *
Онъ закатывалъ бочечки съ порохомъ,
Затеплялъ свѣчи воску ярова,
Какъ молоденька татарочка по стѣночкѣ похаживала,
По бѣлымъ бедрамъ рукой похлопывала
И надъ Бѣлымъ царемъ надсмѣхалася:
«Гдѣ тебѣ Бѣлый царь Казань городъ взять!»
На это царь Иванъ Васильевичъ осердился,
Онъ приказываетъ своихъ пушкарей казнить, вѣшати,
Стрижку, ярыжку и сына Ѳедорыча.
Выбирался изъ нихъ молодой пушкарь:
«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ,
«Не приказывай казнить, вѣшати;
«На вѣтру свѣча вѣдь скоро горитъ, теплится,
«А подземельна свѣча тихо горитъ, не скоро теплится».—
Не успѣлъ добрый молодецъ рѣчь окончити—
Взорвало стѣны каменныя,

---

* Разночтеніе:

Подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
Подъ другую сторону подъ Буланъ рѣку
Они бочки съ порохомъ закатывали,
Зажигали свѣчи воску ярова.
Какъ татарочка по крѣпости похаживала,
Грозному царю рѣчь сердитую говаривала:
— Не видать тебѣ, грозный царь, золотыхъ маковей... —
Не успѣла татарочка рѣчь окончить, —
Догорѣли свѣчи воску ярова,
Разорвали бочки съ порохомъ,
Начало рвать и метать во всѣ стороны,
Бросать гдѣ нога, гдѣ рука,
Гдѣ татарская башка.

Стало по стѣнушкамъ кидать-метать:
Гдѣ голова татарска, гдѣ туловище.

(Зап. И. И. Акутинымъ лѣтомъ 1875 г. на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ).

б).

(Костромск. губернін.)

Вы послушайте, ребята, что мы станемъ говорить,
А мы старыя старушки станемъ сказывати
Про грозна царя Ивана про Васильевича.
Какъ царь-государь подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
Что подкопъ подкопалъ, сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ, чернымъ порохомъ,
А на бочки становили воску ярова свѣчи.
Злы Татарове по городу похаживаютъ,
Похваляются да выхваляются:
— Что не быть (дескать) Казанюшкѣ подъ Бѣлымъ подъ царемъ. —
А нашъ царь-государь распаляется,
Распаляется, прогнѣвляется,
А на завтра пушкарей онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарщиковъ, запальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь посмѣлый всѣхъ былъ:
— «А за первое, царь, слово мнѣ нѣтъ казни:
А въ тиши-то свѣчи онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи онѣ шибче горятъ.»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, —
Какъ и взорвало стѣну бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ по пятидесять рублей,
Еще той ли славной улицей Стрѣтенскою.

(Зап. г-жею А. Кобяковой, которая слышала ее изъ—устъ народа въ дѣтствѣ).

Женитьба Грознаго царя Ивана Васильевича.

а)

(Симбирск. губ. Корсун. уѢзда, выселокъ Александровка.)

Что сидите, богатырики?
И чѣмъ же вы похваливаетесь,
Ваша силушка буде отъ Бога,
А имѣніе отъ меня царя.
Задумалъ нашъ Грозный царь жениться:
Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ,
И не у князя и не у барина,
Онъ бралъ у Черкашенина,
А имямъ назвать ее—Марья Демругьевна.
Онъ бралъ за ней много приданаго:
Триста татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
И дѣлалъ онъ про нихъ почестный пиръ:
Сажалъ онъ ихъ за столы за дубовые,
За скатерти за клѣтчатыя,
За чашечки, за ложечки корельчатыя.
Кострюкъ хлѣба-соли не кущаетъ,
А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
А на нашего царя лихо думаетъ:
«Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ,
«И стану я со всѣхъ брать пошлину:
«Съ дымовъ—подымовное,
«Съ красныхъ дѣвушекъ—почередное,
«А со молодушекъ—повѣнешное.»
И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дядюшка,
На своей на новъ крашенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
(На тотъ часъ ихъ не случилося,
Они же всѣ поразъѣхались)
«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались,
«И никому бы не докладывались.»
Пришли два брата роѵимые
Изъ села Ивановскова,

По имя ихъ Иванъ Иванычи,
По прозванью Кашинины.
По царскому двору похаживаютъ,
По́лки заворачиваютъ,
Рукавчики позасучиваютъ,
Усы за уши закладываютъ.
Вы послушайте, что возговоритъ царскій дядюшка,
Царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
«Вотъ вамъ Местрюкъ хлѣбъ-соль на столѣ.
Хлѣбъ-соль на столѣ, а борцы на дворѣ!
За что вы, свѣтъ, ухватитесь?» —
Местрюкъ бросился — три стола уронилъ,
Кострюкъ бросился—всю силу помялъ:
Триста татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
Ну, выходитъ Местрюкъ на царскій дворъ,
Бралъ Иванъ Иванычъ поперекъ его,
Поднималъ повыше себя,
А опущалъ пониже себя.
Первой пошибкой пошибъ—
Одежку долой съ него сшибъ,
А другой пошибкой пошибъ —
Рубашку долой съ него сшибъ:
Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила.
Онъ соромъ свой зажалъ
И подъ крылецъ побѣжалъ.
Да увидала его сестрица родимая, Марья Демругьевна:
«Ты дуракъ (говоритъ), дуракъ, мужичій сынъ!
Поборолъ бы его какъ полекше нибудь.»
— «Послушайте, Марья Демругьевна!
Теперича я вывелъ измѣнушку изо всей земли,
А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»
А былъ у ихъ единъ чадо милый, Ѳедоръ Ивановичъ...
«Охъ ты еси Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Хоша ты вывелъ измѣну изо всей земли,
«А не вывелъ измѣнушку изъ свова дому:
«Твоя измѣнушка передъ тобою стоитъ,
«Съ тобою рѣчь говоритъ,
«Единое платье носите одноцѣтное,
«И единое кушанье кушаете сахарное.»

На то же Грозный царь прогнѣвался,
И бралъ своего сына за правую за руку,
И вывелъ онъ его на новъ красенъ крылецъ;
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да есть ли здѣсь грозные палачики?
«Взяли бы моего сына,
«И повели бъ его на поле Куликое,
«Привязали бъ его ко плахѣ дубовой,
«И сняли бы съ него буйную голову!»
Всѣ палачики испужалися,
Со царскаго двора разбѣжалися,
Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ,
И бралъ его сынъ за руку,
Повелъ его на поле Куликое,
И увидалъ его царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
«Охъ ты, Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
«Не за тѣ кушанья принимаешься,
«Сходи же, Малютъ, на псарный дворъ,
«И возьми-ка же пса немилаго,
«И сними съ него голову,
«И принеси имъ въ крови саблю вострую!»
— «Охъ вы есть мои сенаторы, 2.
«Да князья и бояре!
«Пріѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божію,
«И служите вы молебны опчіе печальные
«О моемъ сынѣ, Ѳедорѣ Ивановичѣ,
«И надѣвайте черную одежу печальную!»
Всѣ пріѣхали министры, князья и бояре
И въ соборъ, церковь Божію,
И въ одежѣ всѣ—въ черную печальную,
И служили всѣ молебны опчіе печальные,
А царскій дядюшка, Микита Романовичъ,
Надѣвалъ одежду форменну
И приказалъ служить молебны за здравіе.
Обернулся нашъ Грозный царь:
«Почему же ты, свѣтъ, радуешься?
«Зачѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
— «Потому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
«Что представлю вамъ сына въ живности.»
И бралъ онъ за ефесъ саблю вострую,

Протыкалъ онъ ему ногу правую.
Возговорилъ онъ громкіимъ голосомъ:
— Подайте мнѣ перваго дохтура,
Залѣчилъ бы ему ногу въ три часа.—...

(Зап. мною).

б).

(Калужск. губ.).

Ахъ люди, люди старые,
Старики вы стародавніе,
Вы послушайте, что я буду сказывати,
Разговоры разговаривати,
Что про нашего про свѣтъ-то царя,
Про царя-то Ивана Васильевича.
Какъ нашъ царь холостъ былъ,
Васильевичъ не женатый былъ;
Онъ бралъ изъ чужой земли, —
Молоду младу Черкасьевну,
Ахъ и свѣтъ Марью Тимрюзьевну.
Онъ и много приданаго взялъ—
Городовъ съ пригородками,
Что и селки съ приселками;
Онъ много гостей зазывалъ.
Какъ всѣ-то гости съѣхались,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
Ахъ и нѣтъ гостя любимаго его,
Да жены брата роднаго.
Пріѣхалъ онъ апослѣ всѣхъ,
А садится повыше всѣхъ,
Что за тѣ столы дубовые,
За тѣ скатерти браныя
А за яства сахарныя, —
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
Онъ и лихо-то думаетъ,
Что на нашего на свѣтъ-царя,

На царя Иванъ Васильевича.
Возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ:
«Сколько я земель проходилъ,
«Сколько я городовъ проѣзжалъ, —
«Не сыскалъ по себѣ борца, бойца,
«Не сыскалъ по себѣ удала молодца.»
Нашъ царь разсердился,
Свѣтъ Васильевичъ разгнѣвался,
Онъ и вышелъ на красно крыльцо,
Онъ и гаркнулъ по всей каменной Москвѣ:
«Вы сходитеся, борцы, бойцы,
«Вы сходитеся удалые молодцы»!
Какъ сошлися, борцы, бойцы,
Какъ сошлися удалые молодцы,
Ахъ и свѣтъ дѣти Калашниковы.
На ногахъ они низешеньки,
Во плечахъ широкошеньки,
Они бороды расчесываютъ,
Они усики разглаживаютъ,
На ножку прихрамливаютъ,
На носокъ приговариваютъ.
Возговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Выходитъ-ко Кострюкъ-Мострюкъ!
«Есть у меня борцы, бойцы,
«Есть у меня удалые молодцы.»
Какъ сталъ вставать Кострюкъ-Мострюкъ,
Полтораста скамей свалилъ,—
А триста господъ задавилъ.
Онъ схватился и съ старшимъ братомъ.
Они возилися день до вечера.
Возговоритъ меньшій братъ:
«Ахъ! ты братъ, ты братъ мой родной!
«Не теряй своего купечества,
«А еще ко тому молодечества!
«Ты подай-ка мнѣ, борцу, бойцу,
«Ты подай-ка мнѣ, удалому молодцу!» —
Онъ и сталъ его обхватывати,
Да повыше себя взмахивати,
Онъ ударилъ объ сыру мать-землю.—
Сыра мать-земля дрогнула,

На немъ тѣло бѣло лопнуло,
А сапожки сами съ него свалилися.
Возговоритъ молода, млада Черкасьевна,
Ахъ свѣтъ Марья Тимрюзьевна:
«Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
«Подкрапивныя твои сѣмены!
«Ты не билъ бы объ сыру мать-землю,
«Ты снялъ бы зеленъ кафтанъ
«И сафьянные сапожонки,
«Ты пустилъ бы его тѣлешомъ-нагишомъ.»
Возговоритъ царь-государъ,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ и чѣмъ дѣти васъ жаловати,
«Городами ли, пригородками,
«Или золотой казной?»
Возговорятъ свѣтъ-дѣти Калашниковы:
«Не жалуй насъ, царь-государь,
«Ни городами, ни пригородками,
«Ни золотой казной,
«Вели намъ торговать безданно, безпошлинно.»

(Сообщ. А. П. Глинкой.)

в).

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Вздумалъ нашъ царь-государь Иванъ Васильевичъ,
Захотѣлъ поженитися.
Засваталъ во иной землѣ у Стрюка Семрюковича,
Марью Стрюковну, молодую Черкашенку.
Пріѣхалъ пріѣзжій гость Стрюкъ Семрюковичъ,
Онъ пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ,
Бѣлую лебедь не рушаетъ...
Ходитъ пристольникъ царевъ Микита Романовичъ:
«А что у насъ за пріѣзжій гость?
«Пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ;
«Не на насъ ли онъ лихо думаетъ,
«Не на нашего ли грознаго царя Ивана Васильевича?
Отвѣчаетъ Стрюкъ Семрюковичъ:
«Хоть я пива-вина не пью, хлѣба не кушаю,
«На васъ лиха не думаю.

«Думаю я: есть ли кому у васъ въ Москвѣ бѣлокаменной
«Со мной поборотися, побарахтаться?
«Промежу собой силу извѣдати?»
Выходитъ пристольникъ царевъ Микита Романовичъ
На прекрасное крылечко борца спрашивать...
Борцы испужалися, за Москву разбѣжалися,
Одинъ Василька, одинъ маленькой,—
— Дѣться-то ему некуда, убѣжать не надѣется, —
Ко крыльцу онъ подвигается, ко полатѣ бѣлокаменной.
Увидалъ его Семионовичъ, молодой Черкешенокъ,
Не могъ за столомъ усидѣть, черезъ столъ колесомъ покатилъ,
Три скамьи подломилъ, пятьдесятъ человѣкъ уронилъ,
Прибѣжалъ на крутое крыльцо,
Сталъ на круги похаживать, круто полы замахивать.
— «Слушай царь-государь, грозенъ Иванъ Васильевичъ!
«Толи ты дружишь, толи смѣешься надо мной?
«Съ кѣмъ я это буду боротися?
«Не съ кѣмъ плечамъ расходитися,
«Не съ кѣмъ носкомъ колотитися.»
Отвѣчаетъ ему Василька, отвѣчаетъ маленькій:
«Я ударюся о великъ закладъ: кто кого поборетъ—
«Раздѣвать того до-нага, разувать того до-боса,
«Пинать того подъ г...о подъ круто крыльцо»....
Зачали круто-на-круто похаживати,
Круто полы замахивати.
Хватилъ его Василька, хватилъ его маленькій, —
Съ бедры да и о́ землю....
Поснималъ платья до-нага, разувалъ ноги до-боса,
Запиналъ подъ круто крыльцо...

(Зап. Членомъ сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я. Коносовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

г).

(Новгор. губ. Кирил. уѣзда.)

Паштрукъ, Паштрукъ, пашъ турецкій,
Пашъ турецкій да земли Грецкія;
Приходитъ онъ въ каменну Москву,
Въ каменну Москву къ Государю самому?

«Ужь вы гой еси, цари Бѣлые,
«Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
«Московскіе управители всей Москвы!
«Дайте мнѣ супротивничка, борца поборотися,
«Если вы не найдете, то васъ въ пастухи найму.»
Посылаютъ цари Бѣлые трехъ посланниковъ,
По каменной Москвѣ искать двухъ братцовъ, двухъ родненьких.
Одного Степаньку маленькова, другова Ваську коротенькова.
И искали ихъ ровно трои суточки:
(Нашли ихъ въ кабакѣ пьяными)
— «Здорова, два братца, два родненькіе!,
— Степанко маленькой, Васютка коротенькой!
— Васъ царь скоро требуетъ.»
— За чѣмъ онъ скоро требуетъ?
— У насъ съ похмѣлья головы болятъ,
— Дайте намъ зелена вина ровно два ведра!—
Посланники деньги выдали.
Приходятъ два братца родненькіе на бѣлый дворъ:
«Вы здравствуйте Цари Бѣлые,
«Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
«Московскіе управители всей Москвы!
«Зачѣмъ же мы скоро вамъ надобны?»
— Приходитъ къ намъ Папатрукъ,
— Пашъ Турецкій, земли Грецкія;
— Проситъ сопротивника, борца поборотися,
— Если я не найду, то хочетъ въ пастухи нанять.—
Богатырское сердце Паши разгорѣлося;
Выскочилъ онъ изъ-за дубовыхъ столовъ,
Изъ-за явствъ сахарныхъ, изъ питей медовыхъ.
Поломилъ триста поповъ, сто пятьдесятъ дьяконовъ,
И пятьсотъ Донскихъ казаковъ.
Какъ по половкамъ идетъ, половки подрагиваютъ;
По ступенькамъ идетъ, ступеньки вверхъ играютъ;
И выходитъ онъ на бѣлый дворъ:
«Здорова, два братца, два родненькіе,
Одинъ Степанька маленькой, другой Васютка коротенькой!»
Васька на ножку припадываетъ, а самъ приколыхиваетъ.
Возговорилъ Васька таково слово:
— Ужь вы гой еси, Цари Бѣлые,

— Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
— Московскіе управители всей Москвы!
— Смѣть ли намъ съ этакимъ невѣжой поборотися?
Какъ бы вамъ Богъ помогъ...
Бралъ же Пашу Васька за толстыя руки, за мягкіе бока;
Грянулъ его о сырую землю,
Сыра земля раздалася на казенную сажень,
Сорвалъ съ него ожерельице въ пятьсотъ рублей.
Приходитъ къ нему молода жена:
— Пашъ Турецкій, да земли Грецкія:
— Этакъ у насъ и не водится,
— Этакъ у насъ и не борются.
— Этакъ у насъ борются,
— Этакъ у насъ водится...
Какъ возговорилъ Иванъ Васильевичъ:
Чѣмъ же я васъ буду дарить, жаловать?
Ничего намъ не надобно; только дай попить, погулять,
Пожить, погулять трои суточки.

(Зап. У. Сермягинъ въ 1860 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ).

Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича.

а).

(Симбирск. губ. Буинск. уѣзда, дер. Козлова

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
Только слышно то было по всей каменной Москвѣ —
(И по всей армій, и по всей конной гвардіи)
Еще померъ-то у насъ Православный царь
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
«Сдѣлаемъ ему гробокъ кипарисовой,
«Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,
«Мы схоронимъ царя за Москвой рѣкой!»

б).

(Той же губ. Корсунск. уѣзда, с. Усть-Урень).

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!
Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
У собора было у-во Спленскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:
«Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
«Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
«Разступись, матушка-сыра земля,
«Вскройся, гробова доска,
«Распахнись-ка, бѣлъ тонкой саванъ,
«Ты возстань, возстань, Православный царь,
«Православный царь, Иванъ Васильевичъ!
«Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
«Ужь всѣ-то полки во походъ пошли, —
«Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
«А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
«Третій пошелъ Петропавловскій:
«Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
«На синее моречко разбѣжалися,
«На легкія лодочки побросалися»

(Объ запис. мною: первая отъ крестьянина Максима Щербакова; послѣдняя отъ ратника Картавенкова).

Про Димитрія Царевича.

1.

(Саратовск. губерн. городъ Хвалынскъ).

Въ восьмомъ году, въ восьмой тысячѣ,
Въ нынѣшнемъ народѣ правда вывелась,
Вселилось въ народѣ лукавство великое,
Упало лукавство не на воду и не на землю,
Упало лукавство царю Димитрію на бѣлу грудь.

Убили же царя Дмитрія во гуляньѣ на игрищахъ;
Убилъ же его Гришка растриженный,
Убивши его самъ на царство сѣлъ,
И не сколько царилъ — только семь годовъ.

(Запис. мною 19 Іюля 1872 года, отъ крестьянина Черношекова).

2.

(Симбирской губер. Корсунскаго уѣзда, въ селѣ Усть-Уренѣ).

Убили, убили царевича въ Угличѣ,
А мощи его явились въ каменной Москвѣ,
Во славномъ во соборѣ Архангельскомъ.
Ахъ Боже ты нашъ, Боже!
За что на насъ Господь прогнѣвался?
Сослалъ намъ Господь намѣстничка,
Что того ли вора Гришку Отрепьева.
Гришка Отрепьевъ незаправскій царь —
Признавалъ, узналъ его пятисотный стрѣлецъ...
Всѣ добрые люди идутъ къ заутрени,
А Гришка съ Маришкой въ баню идутъ.

(Запис. мною отъ крестьянина Цыплова).

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Вятской губерніи).

Не во далече, далече во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ на синемъ морѣ—
Не два ясна соколочка солеталися,
Они старые колбища безпачпортные,
Они думушку гадали, думу крѣпкую,
Думу крѣпкую гадали да единую:
— А кому же изъ насъ, братцы, атаманомъ быть? —
Атаманомъ быть Микитушкѣ Бугрѣеву,

Есауломъ быть Ермошкѣ Тимофееву. —
Атаманъ-отъ говоритъ, ровно въ трубу трубитъ,
Есаулъ-отъ говоритъ, ровно во свирѣль игралъ.
— А не полно ль намъ, ребятушки, разбой держать?
Разбивали мы, ребята, буевые корабли,
Что Пермятски, Астрахански, все купеческіе. —
Пермятскую губернію возьмемъ съ вечера,
Астраханскую губерню во тужу полночь,
Мелки славны городишки на утрѣ возмемъ,
Что во мелкихъ городишкахъ не задержимся.

(Сообщ. Н. А. Александровымъ).

Про Стеньку Разина.

(Пермской губ. Кочышловск. увзда.)

1.

Какъ по ранней, ранней утренней зарѣ,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
Выплываетъ быстра лодочка легка,
Быстра лодочка легка о шести-то о гребцахъ,
Что въ этой легкой лодочкѣ сидитъ,
Въ ней сидитъ-то принаряженный купецъ,
Онъ плыветъ-то въ славный городъ Астрахань,
Въ славный городъ Астрахань, по купеческую дочь.
Охъ, красавица купеческая дочь!
Выходи-ко на высокое крыльцо,
Ты встрѣчай-ко астраханскаго купца,
Стеньку Разина удала молодца!
Ты сади-ко за набраные столы,
Меду-патоки съ поклономъ подноси,
Ты цѣлуй-ко Стеньку въ молодецкія уста,
Умь за это тебя Стенька наградитъ,
Шелку-бархату на платье подаритъ.

2.

(Тамъ же).

Во славномъ было городѣ во Астрахани,
Проявился тутъ дѣтинушка незнамой человѣкъ,
Буро-щепетно по городу похаживаетъ,
У купцовъ гостинный дворъ запечатываетъ.
Увидали молодца со Астраханскаго крыльца,
Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ,
Вы поднте, приведите добра молодца сюда,
Къ губернатору на дворъ. . .
Его началъ губернаторъ грозно спрашивать:
— Отколѣ ты такой, дѣтинушка, незнамый человѣкъ,
Не бѣглецъ-ли ты, не бѣглый-ли прохожій человѣкъ,
Поведите молодца во Астраханскую тюрьму! —
Только успѣлъ молодецъ одно слово сговорить:
— Завтра мой батюшка самъ къ тебѣ въ гости придетъ,
Ты умѣй-ко его встрѣтить, умѣй честно проводить. —
Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ по рѣкѣ,
Тутъ плыла-то, выплывала одна лодочка легка,
На лодочкѣ гребцовъ пятьдесятъ молодцовъ.
Хорошо гребцы гребутъ, складно пѣсеньки поютъ.
Одинъ-то молодецъ не грянетъ, не гребетъ.
— Что-то сегодня мнѣ, ребятушки, день скучный,
Что-то сего дня моему сердцу вѣщо. . . .
Знать-то мой сынокъ во погибели сидитъ,
Во погибели во большой, во Астраханской во тюрьмѣ.
Пособи, Боже, въ Астрахань городъ зайти,
Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
Астраханскихъ всѣхъ невольниковъ на волю распущу,
Съ самаго--то губернатора со живаго кожу сдеру,
Астраханскую губернаторшу на штыкъ посажу,
Астраханскую его дочь себѣ въ постельницы возьму.

(Объ запис. Членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Географ. Общества А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ).

3.

Ахъ да наши лѣса ль лѣсочки,
Лѣса темные,
Ахъ да вы станы ли наши,
Станы наши теплые!
Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да лѣсочки
Всѣ лѣса наши порублены!
Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да кусточки
Всѣ кусты наши повызжены!
Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, друзья-товарищи,
Ой, братцы, всѣ переловлены.
Ахъ да всѣ въ желѣзные въ ручные они кандашки
Да всѣ позакованы!
Ахъ да всѣ по уѣзднымъ, братцы, городкамъ
Они всѣ поразосланы,
Ахъ да всѣ по мѣстамъ они только по допросамъ
Они подопрошены!
Ахъ да что одинъ за насъ, братцы, только товарищъ
Одинъ только не пойманъ былъ,
Да по-прозваньицу былъ-то онъ, по фамильюицу,
Онъ былъ Сенька Разинъ сынъ.
Ахъ да зашаталась его буйная вотъ головушка
Она только по чистому полю.

(Сибирь. На Ильгинскомъ винокуренномъ заводѣ, на рѣкѣ Ленѣ).

4.

(Тамъ же).

Горы, горы, горы крутыя
Вы горы Змѣевы,
Вы позвольте горы,
Горы постояти,—
Намъ не годикъ здѣсь годовати,
Одну ночку ночевати,
И тою всю не спати:
Пуль, пороху набирати,
Пушки, ружьи наши заряжати,
Во чисто поле стрѣляти,
Стеньку Разина намъ встрѣчати.
На Петровскомъ на лужечкѣ

Всѣ майданики * запустѣли,
Всѣ несчастные приуныли:
Стеньки Разина вотъ у насъ не стало,
Мы пойдемъ-те-ка, ребята,
Въ бѣлокаменны палаты, —
Ахъ да изъ палатушекъ посмотримъ
Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ,
Да по широкой, славной долгой:
Не бѣлымъ было на ней забѣлѣло,
Не чернымъ черно зачернѣло
Забѣлѣли то тонки парусочки.

(Обѣ записаны И. П. Корниловымъ.)

5.

(Симбирск. губ. Корсун. уѣзда, села Усть-Урень).

Не рябинушка со березынькой совивается,
А не травонька съ травонькой соплетается,
Какъ не мы-ли, добрые молодцы, совыкаемся.
Какъ лѣса-ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы кусты-ли мои, кусточки, кусточки таловые,
Вы станы-ли мои станочки, вы станы мои темные,
И еще ли вы мои, лѣсочки, всѣ порубленые,
Всѣ кусты мои, кусточки, всѣ поломаные:
Всѣ друзья мои, братцы-товарищи, переловленые
По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженые,
Оставался одинъ товарищъ Стенька Разинъ сынъ....

(Запис. мною въ 1856 г. отъ крестьянина Цыплова.)

6.

(Пермск. губ. Камышл. уѣзда.)

Середь полюшка, поля чистова,
Тутъ-то дубъ стоитъ одинъ одинешенекъ,
А подъ дубомъ тѣмъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Степанъ Тимофѣевичъ.

---

* Майданики — разбойничьи станы.

Передъ нимъ лежитъ ружье бранное,
По лѣву руку что тяжелъ камень,
По праву руку сабля острая.
Воздохнувши онъ слово вымолвилъ:
— Охъ ты волюшка, воля буйная,
Воля буйная да казацкая!
Спогубила ты добра молодца,
Добра молодца Стеньку Разина!
Кабы слушался отца съ матерью,
Споважилъ бы крестова батюшку,
Не скитался бы по бѣлу свѣту....
Какъ умру-то я доброй молодецъ,
Похоронятъ меня безъ отпѣтія,
Безъ креста, безъ попа, безъ ладона,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Прошумитъ по мнѣ лѣсъ дремучій боръ:
— Память вѣчная Стенькѣ Разину!—

7.

(Тамъ же.)

Хорошо-то городъ испостроился,
Лучше городу да лучше Питера,
Да лучше матушки каменной Москвы, —
Вокругъ города да роща зеленая,
Въ этой рощицѣ воры разбойнички.
Вся-то рощица да испорублена,
Балаганчики все разоренные,
Все-то воры-разбойнички да пойманы —
Поймали-то плута Стеньку Разина,
Его поймали да связать не могли,
Міромъ прокляли да на-низъ прогнали...

8.

(Тамъ же.)

Ужь загорѣлася въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Добралася до бѣлаго до камешка,—
Что на камешкѣ тамъ сидитъ младъ, ясенъ соколъ—
Подпалилъ-то свои крылушки быстрые,
Обжегъ-то соколъ ноженьки скорыя.
Прилетало-то къ соколу стадо вороновъ,
Садились-то вороны вокругъ сокола,
Что въ глаза-то ясну соколу насмѣхалися,
Называли-то яснаго сокола вороною:
— Охъ ворона ты, ворона да подгуленая! —
Возговоритъ въ кручинѣ младъ ясенъ-соколъ:
— «Уже какъ пройдетъ бѣда моя да со кручиною,
Отращу что я свои крылья, крылья быстрыя,
Заживлю я свои ноги скорыя,
Ужь взовьюся я ясенъ-соколъ выше облака,
Опущуся я въ ваше стадо быстрой стрѣлой,
Перебью я васъ черныхъ вороновъ до единаго.» —
Когда былъ Степанъ Разинъ во неволюшкѣ,
Вскричалъ-то онъ, взоплилъ громкимъ голосомъ:
— «Ой вы гой еси мои друзья, братцы, товарищи,
Не покиньте вы меня во неволѣ добра молодца,
Ужь пригожусь-то я вамъ, братцы, на время,
Замѣню-то я вамъ смертъ животомъ моимъ,
Животомъ моимъ да вольною волею....

(Всѣ три записаны Членомъ — сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общества А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ)

9.

(Московской губ. Коломенскаго уѣзда.)

У Троицы было у Сергія подъ горой,
За каменною за бѣлою стѣной,
Стояла тамъ темная темница.
А во той ли темной темницѣ

Сидѣлъ тамъ удалой молодчикъ
По имени-прозванью Стенька Разинъ.
Никто къ нему не зайдетъ и никто не заѣдетъ,
Зашла къ нему, заѣхала гостья дорогая,
Гостья дорогая, матушка родная:
— Дитя ли ты мое, дитятко, дитя чадо милое!
Не полно ли тебѣ, мое дитятко, во темницѣ сидѣти
Не пора ли тебѣ, мое дитятко, вонъ выходити!
Семь разъ я тебя выкупала, —
По тысячѣ рублей давала,
А теперь восьмой тысячи не стало.—
—При пирѣ при бесѣдушкѣ
Много друзьевъ-братьевъ,
А какъ при горѣ, при кручинѣ —
Всѣ прочь отступились.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.).

Проклятие Стеньки Разина.

1.

(Саратовской губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ по Астраханской по улицѣ
Шелъ удалый молодецъ (2)
Въ черной бархатной корсеточкѣ,
На распашечку идетъ (2)
И свой персидскій кушачекъ (2)
Во правой рукѣ несетъ.
Черная шляпа (2) съ прозументами
На лѣвомъ (2) ушкѣ.
Съ енералами, съ сенаторами
Самъ не кланяйтся, идетъ (2)
Къ Астраханскому губернатору
Самъ подъ судъ къ нему не идетъ (2).
Увидалъ же его губернаторъ
Съ бѣлыхъ каменныхъ палатъ (2),
Закричалъ же губернаторъ
Громкимъ голосомъ своимъ (2):
— «Слуги мои вѣрные,

Вы донскіе казаки (2)
Вы подите разыщите-ка,
Разудалаго молодца, (2)
И вы ищите его добра молодца
По всей Астрахани, (2)
И вы ищете его разудалаго
По трактирамъ-кабакамъ, (2)
Да и по питейнымъ домамъ.» (2) —
И привели же его разудалаго
Къ губернатору подъ судъ, (2)
И сталъ же его губернаторъ
Крѣпко выспрашивать:
— Да уже чей ты и отколь же,
Чьего роду племени?
А ты чьего дома,
Чей ты матери, отца?
Ты не съ Волги ли бурлаченка,
Ты не съ Дону ли казакъ? (2)
Ты не съ матушки ли каменной Москвы,
Ты купеческой сынокъ?—
— Я ни съ Волги ни бурлаченка,
И ни съ Дону я казакъ, (2)
Я ни съ матушки съ каменной Москвы,
Ни купеческой сынокъ. (2)
Ахъ я съ рѣчушки со Камушки,
Сеньки Разина сынокъ. (2)
Закричалъ же на него губернаторъ
Громкимъ голосомъ своимъ: (2)
— Ахъ вы поведите его разудалаго
Въ бѣлый каменный острогъ (2). —
Ахъ да невольничковъ какъ я выручу,
Губернатора я выручу, (2)
Ахъ да по всей ли Астрахани
А я моремъ проплыву (2)
Всѣхъ невольничковъ парусомъ проведу.

(Зап. В. А. Мясоѣдовой.)

2.

(Новогород. губ.)

Очутился-проявился здѣсь незнакомый человѣкъ,
Здѣсь незнакомый, незнакомый, неизвѣстно чей откуль.
Баско, щепетно по городу погуливаетъ, —
На босу ногу башмачки, черна шляпа пуховая,
Синь кафтанчикъ на молодцѣ на распашечку надѣтъ,
Бѣлъ персидской кушачекъ черезъ плечико взукрестъ.
Ужъ какъ шелъ-прошелъ дѣтинушко гостинным рядомъ,
Гостинным, рогозинным съ Астраханским купцомъ.
Астраханскій губернаторъ увидѣлъ изъ окна,
Ему честь онъ воздаетъ, низко кланяется,
Низко кланяется, все выспрашиваетъ:
— Ужъ ты чей, откуль, дѣтина, чьихъ губерень-городовъ? —
Я такой-сякой дѣтина, Сеньки Разина сынокъ,
Сеньки Разина сынокъ, расторопный паренёкъ.

(Сообщ. Л. Н. Майковым.)

3.

(Сарат. губ. Хвалынск. уѣзда, с. Безобразовка).

Вышелъ по Волгѣ по рѣкѣ по астраханской,
Тутъ и шелъ прошелъ мальчишка,
Онъ не знамый, разудалый, чей такой!
На немъ сѣренькій кафтанчикъ, голубой на немъ камзолъ,
Голубой на немъ камзоликъ, на распашечку идетъ,
Свой персидской кушачишко во правой рукѣ несетъ,
Разбѣлехоньки перчатки во лѣвой рукѣ держалъ,
Разбумажненьки чулочки на рѣзвыхъ его ногахъ,
Козловые полусапожки на бумажненькихъ чулкахъ,
Черна шляпа со бархо́ткой на русыхъ его кудряхъ.
Шелъ онъ городомъ-базаромъ — не кланялся ни съ кѣмъ,
Ни съ купцами, ни съ господами, ни съ кѣмъ черну шляпу не ломалъ,
Съ Донскими казаками челомъ землю не бьетъ,
Къ Астраханскому новому губернатору подъ судъ нейдетъ.
Заходилъ молодчикъ удалый въ царёвъ новый кабакъ,

И беретъ вина много, — никому расчетъ деньгамъ не даетъ,
Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ.
И увидѣлъ Князь губернаторъ со высокаго крыльца,
Закричалъ Князь губернаторъ громкимъ важнымъ голосомъ:
— У меня ли при дворцѣ слуги вѣрные при мнѣ?
Вы подите слуги вѣрные во царевъ новый кабакъ,
Тамъ какой-то невѣжа вино пьетъ, расчетъ деньгамъ не даетъ,
Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ,
Вы возьмите слуги вѣрные, приведите его сюда. —
Какъ взяли-ухватили его удалова молодца,
Повели молодчика къ губернатору къ крыльцу.
И сталъ Князь губернаторъ крѣпко спрашивать его:
— Ты скажи, скажи, дѣтинка изъ какихъ ты изъ земель,
Иль ты князь какой, иль бояринъ, иль купеческій сынъ,
Иль изъ иныхъ городочковъ не скорóй ли ты посолъ?—
Разудаленькій мальчишка отвѣтъ скоро держалъ:
— Я ни князь, ни бояринъ, ни купеческій я сынъ,
Ни изъ иныхъ я городовъ ни скорóй я посолъ;
А я со тою сторонки, со Камы со рѣки,
Со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынокъ.»—
— Посадили молодчика въ верхній каменный камáръ.
И по камару онъ похаживаетъ,
Частехонько въ окошечко поглядываетъ.
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ плыли-выплывали эвсаулушки три стружка:
Во первымъ во стружечкѣ золотая его казна лежитъ,
Во другимъ во стружечкѣ гребцы пѣсельники сидятъ,
Во третiимъ во стружечкѣ — самъ Степанъ Разинъ Тимофѣевъ.
И возгаркнулъ онъ, воскрикнулъ громкимъ-важнымъ голосомъ:
— Ужь вы братцы мои, ребята! Мнѣ нынче темной ночки не спалось,
Не спалось мнѣ темной ночки, много видѣлось во снѣ:
Будто мой милой сыночекъ во-поимани сидитъ,
Во такой во-поимани — бѣлокаменной тюрьмѣ...
Я бѣлокаменну тюрьму по камешку разберу,
Астраханскаго Князя губернатора къ себѣ подъ судъ возьму.

(Запис. мною 24 Іюля 1872 года, отъ крестьянина Фед. Семенова Вдовина).

Смерть Царя Алексѣя Михайловича.

(Москва).

Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по прежнему,
Не по прежнему не по старому,
Все ты прячешься за облака,
Застилаешься тучей грозною!
Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси въ каменной Москвѣ,
Во Кремлѣ было въ славномъ городѣ,
Близъ Ивана, близъ Великаго,
Во соборѣ было во Архангельскомъ,
Какъ у праваго было клироса:
Молодой стрѣлецъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Онъ плачетъ какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ слезъ ручьи текутъ,
Онъ и бьетъ бердыша древкомъ,
Бердыша древкомъ о сыру землю:
— Ужъ ты гой еси, мать сыра земля:
Ты раздайся на всѣ стороны,
Ты раскройся гробова доска,
Развернися золота камка!
Ты возстань, возстань Православный царь,
Православный царь Алексѣй Михайловичъ,
Посмотри ты на свою семью,
На свою семью, на святую Русь,
На святую Русь, на Москву матушку,
Москву матушку сиротинушку!—

(Запис. со словъ Д. К. Молчанова, слышавшаго эту пѣсню въ Москвѣ, отъ 134-лѣтняго старика солдата.)

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО.

Гнѣвъ Царя на стрѣльцовъ.

(Самарск. губ.)

Государь царь на стрѣльцовъ прогнѣвался,
Приказалъ ихъ рубить и вѣшати.
Случилося нашему батюшкѣ,
Петру Алексѣевичу, со крыльца сойдти:
Передъ нимъ стоитъ дородный добрый молодецъ
Стрѣлецкій атаманушка.
На нёмъ соболья шубенка въ пять сотъ рублей,
А бобровая шапочка въ тысячу.
Онъ поклонился царю-то въ рѣзвы ноги:
«Ой ты, ой еси нашъ батюшка,
«Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
«Не прикажи ты весь садъ рубить на корень,
«Хоть покинь ты въ саду одну яблоньку на сѣменьку.»
— Ой ты, ой еси стрѣлецкій атаманушка!
— Ты пошелъ отъ меня на мѣсто на показное.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.)

Рожденіе царевича Алексѣя Петровича.

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Какъ у насъ было во Царствѣ, каменной Москвѣ,
У Царя-то у Петра-то у Перваго,
Идетъ пиръ-пированьицо;
Пьютъ на веселѣ, на радости
Со князьями, со боярами:
Родился у него милый сынъ Алексѣй Петровичъ.
Ужъ и кличетъ Царь кличъ, гаркаетъ,
По три утра, да по три вечера,

По три зари, зари утреннія.
«Ужь и есть-ли въ Москвѣ плотнички,
«Государевы работнички?
«Ужь вы сдѣлайте плотнички золотую колыбелюшку,
«Младому царевичу Алексѣю Петровичу,
«Ее мудрую, хитрую изъ кипариснаго деревца.
«Въ головахъ-то вырѣзывайте: всходи красное солнышко,
«Въ ногахъ-то вырѣзывайте: перекатный свѣтелъ мѣсяцъ,
«По праву руку вырѣзывайте частыя звѣздочки,
«По лѣву руку вырѣзывайте коня добрава, сивова, косматова.»
На утрѣ было на утричкѣ, на сходимомъ красномъ солнышкѣ,
Приходили къ царю плотнички съ золотой колыбелею.
Ужь и эта же ему колыбелюшка весьма да поглянулася,
Младому царевичу Алексѣю Петровичу...

(Запис. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Географ. Общества А. Я. Ккокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Князь Голицынъ.

1.

(Московск. губ. Коломенск. у.)

Не куликъ-то по болотѣ куликаетъ,
Нашъ батюшка, князь Голицынъ, по Москвѣ гуляетъ,
Онъ проулками, переулками въ городъ проѣзжаетъ,
Ко Успенскому собору близко подъѣзжаетъ.
Скидываетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
Онъ кланяется, покланяется Царю-Государю.
«Здравствуй Государь-Царь, ты моя надежда!
«Прикажи Государь-Царь словечко промолвить:
«Что ты прочихъ господъ жалуешь волостями,
«А господскихъ дѣтей жалуешь чинами;
«А меня Государь-Царь пожалуй однимъ городочкомъ,
«Тѣмъ ли городочкомъ большимъ Ярославлемъ.
«Что и этотъ городочекъ хорошо построенъ,
«Хорошо городъ построенъ, при рѣкѣ поставленъ.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

2.

(Воронежск. губ. Бирючинск. у.)

Что ни куликъ по болоту
Куликъ куликаетъ,
А молоденькій князь Голицынъ
По лужкамъ гуляетъ.
Онъ думаетъ-гадаетъ,
Какъ въ Москву проѣхать:
Лужкомъ князю ѣхать—грязно,
Лѣсомъ ему ѣхать—страшно,
Дорогою ему ѣхать—пыльно,
Москвой ему ѣхать—стыдно.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ
Ко Тверской заставѣ.
«Ахъ держите вы, ребята,
«Глухимъ переулкомъ
«Прямо ко Собору.»
Какъ скидаетъ князь Голицынъ
Шапочку соболью.
Вотъ Богу князь помолился,
Царю поклонился.
Подарилъ за то Царь князю
Малымъ городочкомъ,
Что тѣмъ малымъ городочкомъ,
Славнымъ Ярославлемъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

3.

(Псковск. губ.)

Не куличенка въ полѣ куликаетъ,
То молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ.
Не единъ князь гуляетъ,—со своими полками,
Со своими полками съ Донскими казаками,

Съ егерями съ стрѣлками.
Стали думать, да гадать—
Гдѣ въ Москву проѣхать:
— Чистымъ полемъ князю ѣхать
Очень гораздъ пыльно!
Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать
Очень гораздъ темно!
По подлѣсью князю ѣхать,
Князю очень грязно!
Каменной Москвой князю ѣхать
Очень гораздъ стыдно!—
Проѣзжаетъ князь Голицынъ
Москвою рѣкою!
Москвою рѣкою—большой слободою
Слободой Ямскою!
Енъ проѣзжаетъ князь Голицынъ
Ко Москвѣ—ко Собору,
И снимаетъ князь Голицынъ—
Шапочку соболью!
Начинаетъ князь Голицынъ самъ Богу молитьея:
Помилуй насъ Господи отъ невѣрной силы,
Отъ вора Француза.

(Сообщ. М. И. Семевскимъ.)

4.

(Симбирской губ. Корсунскаго у., с. Усть-Урень).

Не куличенка куликаетъ,
Не большой-то ли князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
Онъ думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
«Лѣсомъ князю ѣхать,—очень темно;
«А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
«Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорно;
«Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно;
«А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;
«А Москвою князю ѣхать,—очень стыдно:»
У князя есть карета—худыя лесоры.

«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»
И подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору...

(Зап. мною въ 1856 г. отъ 60-ти лѣтняго крестьянина, слѣпца Ефрема Полякова.)

5.

(Тамъ же.)

Не куликъ куликаетъ,
Не большой-то ли князь Голицынъ
Во лузяхъ ли гуляетъ:
Не одинъ-то князь гуляетъ,
Гуляетъ-то со своими полками,
Да все съ казаками.
Онъ думаетъ-гадаетъ:
«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?
— Дороженькой князю ѣхать—пыльно;
Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать—очень страшно,
А зеленами лузями ѣхать—топко.—
— Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»—
И выѣзжаетъ князь Голицынъ на Московску дорогу.
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,
Какъ у князя Голицына худыя лесоры:
Онъ думаетъ, князь гадаетъ: какъ Москвой проѣхать?
Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Дорожкой Тверскою, ко Спленскому Собору.
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ ко Спленскому Собору,
Скидаетъ свою шапочку соболью,
И приходитъ князь въ соборную церковь,
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться;
Помолился князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
Самому Императору поклонился пониже:
«Охъ ты, Государь нашъ, Императоръ!
«Всѣхъ ты господъ жаловалъ чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ?»
— Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославлемъ.—

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

6.

(Смоленск. губ., Духовщинскаго у.)

Не куликъ въ полѣ куликаетъ,
Большой князь Голицынъ по лугу гуляетъ,
Онъ думаетъ-гадаетъ, гдѣ пройтить, проѣхать:
— Дорожкой ѣхать—очень пыльно,
Темнымъ лѣсомъ ѣхать—очень страшно,
Лугами ѣхать—трава спавелика,
Каменной Москвой князю ѣхать—очень стыдно,
На своихъ лесорахъ, на худыхъ на дрожкахъ.
— Ѣхать ли мнѣ князю не ѣхать глухимъ переулкомъ,
«Глухимъ переулкомъ, новой слободою.»—
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору,
Скидаетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
Восходитъ князь Голицынъ во Божію церковь.
Всѣмъ князьямъ-боярамъ низко поклонился,
Самому Императору поклонъ особливый.
«Батюшка православный царь!
«Чѣмъ господъ ты жалуешь?»
— Прочихъ-то господъ жалую разными селами,
— А тебѣ, князь Голицынъ, въ полѣ хоромы,
— Въ полѣ хоромы—не крыты, не мшоны,
— Не крыты, не мшоны—верхи не свершоны.

(Зап. мною въ 1863 г. отъ крестьянки.)

Князь Стрѣлковскій.

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень.)

Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
Пролегала путь-дороженька;
Никто по ней не прохаживалъ,
И никто по ней не проѣзживалъ:
Только шелъ-прошелъ одинъ полкъ казаковъ.

Напередъ у нихъ ѣхалъ злой полковничекъ,
Злой полковничекъ ѣхалъ, князь Стрѣляковскій.
«Прикажи ты намъ здѣсь ночевати.»
Князь Стрѣляковскій на то разсердился,
И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
И беретъ во праву рученку подзорную трубоньку,
И поглядывалъ на чисто поле далекохонько:
Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
Только и видно ему—быстрая рѣчка,
Какъ по рѣчушкѣ растетъ камышъ-травка,
Какъ со вечера травка притихаетъ,
Ко полуночи травка зашумѣла,
Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ въ плѣну у царя Турецкаго.

Ужь таланъ ли мой, таланъ такой,
Ужь ты участь моя горькая!
Ты звѣзда ль моя восточная,
Восточная полуночная!
Высоко звѣзда восходила:
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше облака ходячаго.
Становилася свѣтла звѣзда
Противъ устьица тихова Дону,
Тутъ стоялъ ли Азовъ городъ.
Во Азовѣ крѣпкомъ городѣ,
За стѣною бѣлокаменной
Тутъ стояла темная темница,
Темная темница заключевная.
Въ ней сидѣлъ душа невольничекъ,
Невольничекъ Россійскій графъ,

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ сидѣлъ въ ней ровно три года,
Ровно три года и три мѣсяца.
Отростилъ онъ свои русы кудри
Что по самыя могучи плечи;
Отростилъ свою бородушку
Онъ по самый по шелковъ поясъ.
Случилося мимо ѣхати
Самому царю Турецкому,
Что Султанъ Султановичу.
Какъ воскрикнетъ громкимъ голосомъ
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
«Ты Султанъ Султановичъ!
«Прикажи меня поить, кормить,
«Прикажи на волю выпустить.
«Напишу я на Донъ грамотку,
«Не перомъ я не чернилами,
«А своими горючьми слезьми,—
«Тогда тихій Донъ возволнуется,
«Казаки съ Дону подымутся
«И тебя царя въ полонъ возьмутъ.»
— Царю слово показалося:
Приказалъ его поить, кормить,
Приказалъ на волю выпустить.
Какъ возговоритъ Турецкій царь:
«Ужъ ты гой еси, Россійскій графъ,
«Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ!
«Послужи мнѣ вѣрой правдою,
«Какъ служилъ ты Царю Бѣлому!»
Какъ возговоритъ Россійскій графъ:
— «Какъ бы была востра сабелька,
«Послужилъ бы вѣрой правдою,
«Надъ твоей бы шеей толстою,
«Надъ твоей буйной головушкой!»
— Царю слово показалося:
Приказалъ его пожаловать,
Что высокими хоромами,
Хоромами не мшоными,
Не мшоными, не вершоными;—
Среди поля двумя столбиками

А третья перекладинка,
А четверта—шелкова петля.

(Зап. со словъ Д. Е. Молчанова, который въ молодости перенялъ эту пѣсню въ Москвѣ отъ старика солдата 134 лѣтъ.)

Усердіе и умъ русскаго боярина при взятіи Азова.

У насъ было во Кремлѣ во городѣ,
У того у собора Успенскаго
Соѣзжалися князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскіе.
Ужь какъ Царь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
— «Охъ вы гой еси князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ идти,
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ во крѣпѣ стоитъ,
Нельзя къ нему подойти, подъѣхати.»—
Какъ тутъ-ли бояра испужалися,
Большой за меньшаго хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Ахъ что возговоритъ Михаилъ Скопинъ:
— «Охъ ты гой еси грозный Царь!
Благослови меня слово молвити,
Или цѣлу рѣчь выговорити:
Дѣлайте телѣжки бурматскія,
Убирайте ихъ кунами собольими,
Сукнами багредовыми и гвоздьми полуженьими,
Сажайте въ телѣжки по пяти человѣкъ.
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ въ единый часъ.»—
Пріѣхали они ко синю морю,
Кричитъ онъ, вопитъ перевощиковъ:
— «Перевезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»—
Стали бурмистры и головы

Стали пошлины спрашивати.
Ахъ вы гой еси бурмистры и головы,
Погодите вы до утрія,
Я отдамъ по таксѣ полную.
Со полуночи до вечера могучій гость
Черезъ сине море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
И донесъ царю о возможности.

(Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ и т. д. ч. 4. Москва 1822 г. стр. 225. № 622.)

Графъ Шереметевъ и французскій маіоръ.*

(Московск. губ., Коломна.)

Не грозная туча заходила,
Выходила Шереметьева пѣхота;
Что не свѣтлая молнія освѣтила,
Освѣтила Шереметьева сабля острая;
Не шибко-громко громъ ударилъ,
А ударилъ Шереметьевъ изъ картечи.
Эссаулы караулы скрали,
Французскаго маіора во полонъ взяли;
Повели того маіора ко фельдмаршалу
Ко Борису Григорьевичу Шереметьеву.
Сталъ того маіора Шереметьевъ спрашивати:
«Ты скажи, скажи маіорикъ правду мнѣ;
«Ужь много ли въ васъ силы въ Оленбурхѣ?»
— Въ Оленбурхѣ у насъ силы сорокъ тысячъ,

---

* Слова: «французскій маіоръ,» «французскаго маіора во полонъ взяли,» «въ Оленбурхѣ», «съ самимъ Бонапартомъ»—нисколько не мѣшаютъ этой пѣснѣ служить дополнительнымъ варіантомъ къ тому небольшому отдѣлу Петровскихъ пѣсенъ, который въ 8-мъ выпускѣ собранія П. В. Кирѣевскаго озаглавленъ: «Шереметевъ и Шлиппенбахъ. Маіоръ земли Шведской». Подобные анахронизмы нерѣдкость въ нашей, какъ и всякой другой, народной поэзіи.

— А съ самимъ Бонапартомъ смѣты нѣтъ.—
Какъ ударилъ Шереметевъ маіора въ щеку:
«Что ты врешь, маіоръ, лукавишь,
«А меня ли Шереметьева пугаешь?»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Рыжковъ Генералъ. *

1.

(Новгородск. губ. Валдайск. уѣзд. с. Гоголево.)

Не взлюбили молодца отецъ-то и мать,
Ахъ! согнали меня удалаго долой со двора.
Большая сестрица коня вывела,
Средняя сестрица сѣдло вынесла,
А меньшая сестрица мнѣ плетку подала,
Подавши плеточку мнѣ словечко молвила:
— Охъ! братецъ, братецъ ты нашъ ясенъ соколъ,
Когда же это, ясенъ-то соколъ нашъ тебя, братецъ. дожидать домой?—
— Сестрица да ты родимая, горюша ты моя,
Горевавши горюшко, вспомяни меня.
Ахъ! выди ты моя сестрица на круту гору,
Погляди родимая подъ ясну зарю,
Погляди родимая по синему морю.
Что по синему по морюшку частыя волны бьютъ,
А у меня у добраго молодца пуще слезы льютъ.—
По морю по морю все Верейскому
Плыли, всплывали тридцать кораблей,
Тридцать три кораблика Донскихъ все казаковъ,
Донскихъ, Яицкихъ, Запорожскіихъ.
Напередъ корабличекъ какъ соколъ летитъ,

---

* Т. е. Рычковъ. Ср. «Пѣсни собран. П. В. Кирѣевскимъ,» вып. 8., стр. 148—153. По тожеству содержанія мы и слѣдующую пѣсню про атамана Нарышкина помѣщаемъ рядомъ какъ варіантъ.

На этомъ на корабликѣ плылъ Рыжковъ енералъ.
Какъ Рыжковъ енералъ ребятушкамъ разговаривалъ:
— Гребите вы, ребятушки, не робѣйте!
Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
Что за намъ-то за добрымъ молодцамъ есть погоня,
Догоняетъ насъ силушка западная,
Западная силушка, воровская.—
Просвистала пушечка вѣстовая,
Пролетѣло ядрушко пудовое,
Пудовое это ядрышко свинцовое.
Охъ, никого насъ молодцевъ да не крянуло,
Только это нашъ корабличекъ потравило,
Корабельную досочку проломило,
А Рыжкова енеральчика задавило.

(Запис. мною отъ 74-лѣтней старухи.)

2.

(Новгородской губ. Кирил. уѣзда.)

Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
— Ужь вы, братцы, вы братцы, товарищи мои,
Донскіе казаки, да Запорожскіе,
Садитесь-ка ребятушки въ легку лодку,
Берите-тко братцы по весельцу,
Гребите-тко братцы, погребайте,
Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте;
За Нарышкинымъ есть погоня,
Погонюшка, силушка не малая.—
Не малая силушка, воровская,
Воровская силушка, западная.
Не лютая змѣюшка въ полѣ зашипѣла;
Зашипѣла пушечка боевая,
Пролетѣла пулечка свинцовая;
Ни кого въ кампаньицѣ не убила,
Убила въ кампаньицѣ атамана;
Убила его да не до смерти,
Въ бѣломъ тѣлѣ душенька встрепескалась,

Ретиво сердечушко испугалось;
Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
— Ужь вы братцы, вы братцы, товарищи мои,
Вы свезите мое тѣло къ синю морю,
Вы обмойте мое тѣло водою,
Вы тою водою да морскою.—

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Первые наборы.

1.

(Тверск. губ. Осташков. уѣзд. сельцо Ѳедорова-двора.)

При долинушкѣ при той, да при такой,
Выросъ кустъ калиновый, кустъ калиновый.
Что на томъ ли на кусту, да на кусточкѣ,
Сидѣлъ соловьюшко размолоденькій.
Не соловьюшко сидѣлъ, не молоденькій,
А сидѣлъ-то, сидѣлъ удалъ добрый молодецъ.
Не за батюшку сидѣлъ молодецъ, не за родну матушку,
А сидѣлъ онъ за свою за сударушку.
Сидѣвши онъ молодецъ слезно плакалъ,
Слезно плакалъ, жалко приговаривалъ:
— За кого я молодецъ сижу во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ, во большой заботушкѣ,
Что и кто же меня мододца вспоилъ, вскормилъ?
Вспоилъ меня, вскормилъ православный міръ,
Бѣло вымыла меня ключева вода,
Всколыхала меня легкая лодочка,
Возлелѣяла меня чужая сторонушка,
Зачесала волоса частая гребеночка,
Завила мои кудерюшки сударушка,
Завивавши кудри приговаривала:
«Кому-то эти кудерюшки достанутся?»
— Доставались мои кудри Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому-Петру Первому.—

(Зап. въ 1858 г. гимназистомъ 7-го класса Тверской гимназіи Ѳ. Тюкинымъ.)

2.

(Витебскъ.)

Какъ за рѣченькой за Волгою,
Не камышъ трава въ полѣ шатается—
Зашатался душа добрый молодецъ;
Онъ не самъ собой, не своей охотою,
Онъ не охотушкой,—большой неволюшкой.
Какъ неволюшка-наша жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба государская,
Нашего Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Петръ Первый же объявилъ солдащину,
Молодыхъ ребятъ идутъ во солдаты брать.
У солдатушки намъ идти не хочется,
А хоть и хочется,—назадъ не ворочаться,
Хоть и вернемся,—къ сердцу не привернемся.

(Запис. мною въ 1870 г. отъ бывшей дворовой.)

3.

(Витебскъ).

Заболѣла моя головушка,
Всё моя буйная,
Какъ заныло мое, охъ мое сердечушко,
Мое ретивое,
Какъ заслышало, охъ моё сердечушко,
Оно про несчастье,—
Какъ быть ли мнѣ, быть, доброму молодцу
Быть мнѣ во солдатахъ,
Какъ служить, мнѣ служить доброму молодцу,
Царю государю.
Какъ носить мнѣ, носить, доброму молодцу
Сѣрые мундиры,
Какъ стоять то мнѣ, стоять, доброму молодцу,
У крѣпкомъ караулѣ.

Я уйду, я убѣгу охъ я, добрый молодецъ,
Съ крѣпкова караула,
Какъ пойду я, пойду, добрый молодецъ,
Въ большую деревню,
Подойду, подбѣгу ужь я, добрый молодецъ,
Къ батюшкѣ подъ окошко.
— «Ты впусти, ты впусти родной батюшка,
Впусти обогрѣться.»—
— «Не впущу тебя, любимое дитятко,
Боюсь худой славы,
Ты иди-тко, иди, любимое дитятко,
Иди въ чистое поле;
Ты стань, ты стань, любимое дитятко,
Подъ бѣлую березу,
Что обогрѣетъ тебя, любимое мое дитятко,
Все красно солнце,
Что осушатъ тебя, любимое дитятко,
Буйные вѣтры».
Провались-тко ты, родимая матушка,
Сквозь сыру земельку,
Загорись-тко мой родимой батюшка
Съ своимъ жиленьемъ,
Развивайтеся вы, желтыя кудерки,
По буйной головкѣ.

4.

(Москва.)

Вились мои кудерушки, вились-развивались,
Почуяли кудерушки на себя невзгоду:
Ужъ и быть мнѣ молодцу, быть мнѣ во солдатахъ;
Ужъ служить мнѣ молодцу, стоять въ караулѣ...
Пристоялись скоро тамъ мои быстры ноги.
Задумалъ я, молодецъ, задумалъ бѣжати,
И бѣжалъ я, молодецъ, не путёмъ дорогой,
Ужъ бѣжалъ я, молодецъ, чистыми полями,
Что и чистыми полями, темными лѣсами.

Я во чистомъ полѣ весь-то измочился,
Я во темномъ лѣсу весь-то искололся.
Прибѣжалъ я, мододецъ, къ своему подворью,
Постучалъ я, молодецъ, въ косячето окошко:
«Ты впусти меня, сударь-батюшка, впусти осушиться?
Ты впусти меня, родная матушка, впусти обогрѣться.»—
И впустила-бъ я тебя, мое дитятко, да боюсь Государя.
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле,
Ужъ и тамъ тебя, мое дитятко, буйнымъ вѣтромъ высушитъ,
Быйнымъ вѣтромъ высушитъ, краснымъ солнцемъ выгрѣетъ.»
И пошелъ я, молодецъ, пошелъ и заплакалъ:
«Ты возьмись, загорись батюшкино подворье,
Ужъ ты згинь, пропади матушкино домовище.»—

(Запис. А. Н. Аѳанасьевымъ.)

5.

(Саратовской губ. Сердобск у. с. Пяша.)

За рѣчкой за Невагой, за другой переправою,
Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
Онъ не одинъ-то гулялъ,-гулялъ съ боярыней,
Рѣчи съ ней разговаривалъ.
Я не самъ сюда зашелъ, не своей охотой,
Занесла меня молодца сюда неволюшка,
Еще то меня жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба царская.
Не пыль-то въ полѣ запылилась,
Не туманъ съ моря сподымался,
Ковыль трава въ полѣ шаталась,
Зашатался добрый молодецъ
По чужой сторонушкѣ.

(Запис. А. А. Мясоѣдовой).

Сборы солдатъ, новаго войска.

(Тверь)

1.

Какъ во городѣ въ Перемышлѣ,
Во селѣ было во Покровскомъ,
Всѣ квартирушки порасписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены
Полку Тульскаго Гренадерскаго,
Гренадерскаго-роты первыя.
Какъ охочи были солдатушки
По ночамъ гулять съ красными дѣвушками,
Съ красными дѣвушками со верейскими,
Съ молодыми деревенскими,—
Учинилось вдругъ несчастьице,
Ужь несчастьице-то вдругъ великое,
Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
А съ полуночи ружья чистили,
Къ бѣлу свѣту во строю стоятъ.
Капитанъ стоитъ передъ ротою,
А маіоръ стоитъ посреди полку,
А полковникъ подъ знаменами,
Подъ знаменами съ музыкантами.
Капитанъ кричитъ: на плечо ружье;
А маіоръ кричитъ: по ремнямъ спускай;
А полковникъ: во походъ ступай
Въ землю Шведскую королевскую.!»—
Изъ-за горъ было горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго
Не бѣла заря занималася,
Отходила тутъ цѣла армія,
Цѣла армія Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго — Петра Первова
Напередъ идетъ молодой солдатъ...

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

2.

(Новгородск. губ. Кириловск. уѣзда.)

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
За другой рѣчькой было Переправою,
Не пыль трава въ полѣ шатается,
Что шатается душа добрый молодецъ,
Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
Занесло его все братцы неволею;
Ему жизнь, братцы,—жизнь ему боярская;
Ему служба-то, служба была царская.
Служба Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
Царя благовѣрнаго сила въ походъ пошла.
Въ землю половецкую разореную.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ)

3.

(Новгородск. губ. Кириловск. уѣзда.)

За рѣченькой Невой, за другой Переправой,
Не полынь горькая травенька шатается,
Зашаталася во полѣ да душа моя,
Что за душенька душа добрый мододецъ.
Я не самъ зашелъ, не своей охотою,
Завела дружка молодца неволюшка,
Что не волюшка чужая сторонка,
Жизнь наша боярская, служба государская.
Тяжела служба день до вечера:
Что со вечера служба до полуночи,
Съ полуноченьки часу до девятаго,
Со девятаго мѣсяцъ выкатается,
Часты звѣздочки съ неба сыплются,
Разсыпалася сила наша армія,
Не армія сила-конногвардія,

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

4.

(Московск. губ. Коломна)

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго
Не бѣлая заря занимается,
Не красное солнце выкатается, —
Выкаталося знамя царское.
А на знамечкѣ есть написано,
Не про насъ-ли это, про молодчиковъ:
Про молодчиковъ, про некрутиковъ. —
Всѣ солдаты во походъ пошли,
Напередъ идетъ молодой сержантъ.
Онъ не пьянъ идетъ-самъ шатается,
За ковыль траву заплетается,
Горючими слезьми заливается;
Со отцемъ съ матерью онъ прощается:
«Прости батюшка, прощай матушка,
«Съ молодой женой и прощенья нѣтъ.
«Молода жена неуслужлива,
«Она меня молодца мало слушала.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

5.

(Новгородск. губ. Кирилловск. уѣзда.)

Тутъ то шли-прошли уланы молодые,
За уланами шли матушки родныя.
Онѣ идутъ, онѣ идутъ, слезно плачутъ,
Во слезахъ пути дороженьки не видятъ,
Во рыданьицѣ словечка не промолвятъ.
Какъ промолвили уланы молодые:
— Вы не плачьте, наши матушки родныя:
Не смочить пути-дороженьки слезами,
Не наполнить синя моря горючими,
Горючими ли слезами плакучими.» —
Что не ласточка съ тепла гнѣзда слетаетъ,

Молодой уланъ съ квартиры соѣзжаетъ,
Не отецъ-мать улана провожаетъ,
Провожаетъ улана-то дѣвица,
По названію уланова сестрица,
Она ѣдетъ, она ѣдетъ, слезно плачетъ,
Во слезахъ она словечушко промолвитъ:
— «Какъ бы мнѣ ли то дѣвицѣ прежня воля,
Прежняя волюшка, сизыя крылья,
Что по крылушкамъ мелкое перо;
Развернулась бы я дѣвушка, улетѣла,
Гдѣ завидѣла милова, тутъ бы сѣла,
Тутъ бы сѣла, да посидѣла.—
Я завидѣла милова въ синемъ морѣ,
Въ синемъ морѣ на гарьетѣ,
На гарьетѣ въ первой ротѣ,
Въ первой ротѣ въ восьмой сотнѣ.

(Сообщ. Л. Н Майковымъ.)

6.

(Псковск. губ. и уѣзд.)

Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было горъ высокіихъ
Выходила-выступала сила армія,
Сила армія гусаръ Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
Напереду идутъ гусары со знаменами,
Позади идутъ гусары съ барабанами,
Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлался:
Во гусарахъ генералъ померъ.
Бьютъ гусары въ барабаны по заунывному,
А всѣ указы прочитали по печальному,
Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
Самаго генерала на головахъ несутъ.
—Вы несите мое тѣло черезъ три поля,
Черезъ три поля на синее море

Омойте мое тѣло морскою водой,
Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ:
Между Кіевской, Валдайской, славноій Питерской,
Вы засыпьте меня желтымъ пескомъ.

(Сообщ. М. И. Семевскимъ)

7.

(Самарск. губ.)

Выходили, выступали тридцать три полка,
Тридцать три полка гусаръ-солдатъ арміи.
Напередъ идутъ гусары, въ барабаны бьютъ,
Въ барабаны-то пробили по веселому,
Всѣ указы прочитали по печальному,
Пѣсеньки то пропѣли по унывному.
Во второмъ полку гусаръ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался—генералъ померъ...
. . . . . *
Самаго-то генерала на головахъ несутъ.
Вы несите-ка, гусарушки, черезъ чисто поле,
Черезъ чисто поле ко синю морю,
Къ морю синему Хвалынскому.
Ужь мойте-ка, гусарушки, тѣло бѣлое генеральское
Исповѣданное и причащенное,
Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кипарисный гробъ,
Вы несите-ка, гусарушки, на круту гору на Сіонскую;
Ужь вы ройте-ка, гусарушки, могилушку,
Могилушку двухъ аршинную печатную,
Вы спущайте-ка въ эту могилушку тѣло бѣлое генеральское;
Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей.

(Сообщ. Г. Н. Потаниннымъ.)

---

* Тутъ явно пропущенъ стихъ:
«Генеральская конечка въ поводу ведутъ»

8.

(Тульск. губ. и уѣзда. с. Лотовиново.)

Не бѣлая заря займалася
Гусары!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.)

Не красное солнышко выкаталося,
Тутъ выходила, выступала сила воинская,
Тридцать три полка Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго,-Петра Перваго.
Напередъ идутъ, въ барабаны бьютъ.
Въ барабанушки пробили по веселому,
Указушки прочитали по печальному:
Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, генералъ померъ,
Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
Самаго генерала на головахъ несутъ.
Самое инеральшу шестерней везутъ,
—Вы везите, мои конечки. черезъ три поля,
Черезъ три поля, на синее море. —

(Запис. мною въ 1864 годъ отъ дворовой женщины лѣтъ подъ 40-къ.)

9.

(Рязанск. губ. Данковск. у. дер. Красная Слободка.)

Сила войская солдатушки Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго Николая Перваго,
Напередъ идутъ его солдатушки со знаменами,
Позади идутъ солдатушки съ барабанами.
Барабаньщики пробили по веселому,
Указушки прочитали по печальному,
Во второмъ полку, солдатушки, уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, генералъ померъ.
Енеральскаго конечка въ поводу ведутъ;
Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
Съ горяча-то енералушка слово взговорилъ:
— Вы несите меня, солдатушки, на сине море,

На синее море на Хвалынское,
Омойте мое тѣло бѣлое морской водой,
Кладите мое тѣло въ дубовый гробъ,
Покройте мое тѣло золотой парчей,
Вы несите мое тѣло на крутыя горы Сіонскія.

(Запис. мною въ 1870 г. отъ крестьянки.)

Опытъ сводки четырехъ послѣднихъ разночтеній.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ-за горъ было горъ высокіихъ
Не бѣлая заря займалася,
Не красное солнышко выкаталося,
Выходила, выступала сила войская,
Тридцать три полка Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Напередъ идутъ гусары со знаменами,
Позади идутъ гусары съ барабанами.
Въ барабанушки пробили по веселому,
Указушки прочитали по печальному:
Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлался,
Во гусарахъ енералъ померъ.
Енеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
Сгоряча-то енералушка слово взговорилъ:
Вы несите-ка (солдатушки) мое тѣло черезъ три поля,
Черезъ три поля ко синю морю,
Къ морю синему Хвалынскому.
Ужь вы омойте-ка, гусарушки, тѣло бѣло генеральское,
Исповѣданное и причащенное,
Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кипарисный гробъ;
Вы несите-ка мое тѣло на круту гору Сіонскую,
Покройте мое тѣло золотой парчей,
Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ,
Между Кіевской, Валдайской, славной Питерской,
Вы ройте-ка, гусарушки, могилушку,
Могилушку двухъаршинную печатную,

Вы спускайте въ эту могилушку тѣло бѣло генеральское,
Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей,
Вы засыпьте мое тѣло желтымъ пескомъ.

(Собиратель.)

Шведскій походъ.

1.

(Саратовск. губ. Хвалынск. у.)

Говорилъ то мнѣ милъ, приказывалъ, *
Я приказу его мало слушала,
Я съ инымъ-то дружкомъ то повадилась,
Я со прежнимъ разбранилася.—
Разбранивши она стала плакати,
Во слезахъ то дружку слово молвила:
Погляди-ка милъ въ окошечко, —
Во хрустальное стеколышко.
Какъ у насъ на дворѣ не туманъ, туманъ,

---

* Считаю вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь подходящій сюда варіантъ изъ первой части моего сборника Русскихъ народныхъ пѣсень (Чтенія 1869 г., кн. I, стр. 302)

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ зазнобушки, 2
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Что дѣтинушка Дворянскій сынъ;
Зазнобя сердце въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ, въ иныя земли,
Въ иныя земли, въ Турецкія,
Изъ Турецкихъ въ Шведскія.
Ужь я тутъ съ другомъ прощалася,
Вся Москва-царство сдивовалася:
Что не братъ съ сестрой прощается,
Что не мужъ съ женой разставается,
А полюбовникъ съ полюбовницей.
(Зап. мною отъ дворовой въ 1864 въ селѣ Лотовиновѣ— въ 10-ти верстахъ отъ Тулы.)

Не одинъ то туманъ со дождичкомъ:
На синемъ-то морѣ есть погодушка,
У молодушки есть зазнобушка.
Зазнобилъ-то сердце младъ дѣтинушка,
Зазнобимши во походъ пошелъ,
Что во тоё землю во Шведскую,
Изъ-за Шведской земли во Турецкую,
Изъ Турецкой земли въ каменну Москву;
Въ каменной Москвѣ разставалися,
Ужь и вся Москва сдивовалася:
Ужь и что это за сходнечки,
Или братъ съ сестрой, или мужъ съ женой,
Или красна дѣвка съ молодцомъ.

(Запис. мною.)

Про походъ въ Турцію.

1.

(Московск. губ. Коломна.)

Не черные вороночки въ поле вылетывали,
Вылетывали ядрушки турецкія
Къ тому ли предводителю князю Голицыну.
Тогда князь Голицынъ весьма пріужахнулся.
Закричалъ князь Голицынъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Господа вы генералы, молодые полковники,
Вы подите, побѣдите силу непріятную. —
— Господа-генералы всѣ отказалися;
Только изъ нихъ выбрался Долгоруковъ князь.
Получилъ онъ себѣ ранушку нелегкую,
Онъ отъ той отъ раны лежалъ девять дней,
На десятый денечекъ князь преставился.
Что встужалася, взгорѣвалася по немъ вся дивизія,—
— Что не стало у насъ, братцы, вѣрнаго старателя,
Вѣрнаго старателя, князя Долгорукова. —

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

2.

(Симбирск. губ. Буинск. уѣзда, села Усть-Урень).

Ужь не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
Зачернѣлась въ полѣ пашенька яровая:
Да не сохами эту пашеньку распахали,
Не боронами эту пашеньку заборновали,
Не вхожими сѣменами эту пашеньку засѣвали;
Распахали эту пашеньку Турецкими лошадями,
Заборновали эту пашеньку Нѣмецкими подковами,
Засѣвали эту пашеньку крестьянскими головами.

3.

(Той же губ. Буинск. у. д. Козловка.)

Ужь не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
Зачернѣлась пашенька въ полѣ яровая;
Не плугами распахали, не сохами.—
Распахана же пашенька Турецкими лошадями,
Заборонена пашенька Нѣмецкими подковами,
Засѣяна не всхожими сѣменами,
А сиротскими нашими головами;
Поливана эта пашенька не росою,
А поливана христіянскою кровію.
Тутъ шелъ-прошелъ Урзы-Мурзы бѣлобородый:
«Богъ помочь вамъ, старшой, большой державецъ!..»

(Объ записаны мною: первая отъ ратника Картавенкова,— вторая отъ крестьянина Щербакова.)

Князь Гагаринъ.

1.

(Воронежск. губ.)

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ
По Фонтанкѣ, по Невѣ
Плыли съ мачтой корабли.
Какъ на каждомъ кораблѣ

По пяти сотъ молодцовъ.
Сами гребцы гребутъ,
Весело пѣсни поютъ,
Разговоры разны говорятъ,
Все Гагарина бранятъ:
— Ахъ р.....нъ сынъ, воръ князь Гагаринъ
. . . . . .
Солдатъ съ голоду моритъ;
Въ сутки по двѣ денежки давалъ,
И тѣ назадъ отбиралъ.
Какъ на эвти онъ на деньги
Построилъ себѣ въ Москвѣ домъ,
За большимъ мучнымъ рядомъ.
Всѣ на вырѣзи окошки
И хрустальный потолокъ.
Какъ на томъ же потолку
Москворѣцкая вода была,
По фонтану взведена,
Жива рыба пущена,
Кровать нова смощена.
Какъ на этой на кровати
Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
Кабы Богъ меня привелъ
Во Сибири побывать,
Я построилъ бы полаты,
Да не эвтакія,
А получше бы, почище
Государева дворца.
Нешто тѣмъ будетъ похуже,
Что золотыхъ гербовъ нѣтъ.
Какъ услышалъ Императоръ
Онъ похвалушку его,
Онъ при всемъ ему народѣ,
Пятьдесятъ ударовъ далъ ему кнутомъ,
А жену его каналью
На воротахъ разстрѣлялъ,
А дѣтей его младыхъ
Во солдаты записалъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

2.

(Тульск. губ. Крапивн. уѣзда с. Даниловки.)

Тутъ и шли-прошли солдаты,
Все хваленые полки.
Они хвалютъ-выхваляютъ
Своего Бѣлаго Царя,
И ругаютъ и бранятъ
Все Гагарина съ дѣтьми.
Какъ Гагаринъ енералъ
Много жалованья съѣдалъ.
Первое—винное,
Другое — хлѣбное,
Третье — денежна казна.
Онъ на эти на деньги
Палаты себѣ склалъ.
По вырѣзу окошки,
Изъ хрусталя потолки.
По этимъ потолкамъ
Москва рѣчка взведена,
Бѣла рыба пущена,
Кровать нова смощена.
На той ли на кровати
Самъ Гагаринъ лежалъ.

(Зап. г. Шумилинымъ.)

3.

(Витебск. губ. Лепельск. уѣзда.)

Снизу лодочка плыветъ,
За собой много ведетъ,
Ровно триста кораблей.
Во-въ тыхъ же корабляхъ
По полтораста людей.
Они гребутъ, пригребаютъ,
Промежъ себя говорятъ,
Все Россейщика бранятъ:

Ты Россейщикъ .....
За столомъ сидишь одинъ,
Пропиваешь, проѣдаешь
Наше жалованье,
Все ярное, продовое,
Все денежное.

(Зап. мною въ 1859 г.)

Ладожскій каналъ.

(Тверь.)

По утру-то было рано ранымъ рано,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ краснова солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озеръ подымалися,
Подымалися добры молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожскую
На работу государеву.
Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцевъ,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со дѣтками.

(Изъ стариннаго рукописнаго семинарскаго сборника.)

Молодой матросъ корабли снастилъ.

Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Какъ на пристани корабельныя,
Молодой матросъ корабли снастилъ,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,

Тонкихъ бѣлыхъ полотняныихъ.
Что изъ высока нова терема,
Изъ косящетова окошечка,
Изъ хрустальныя изъ оконечки,
Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая,
Усмотрѣла, вышла на берегъ,
На Неву рѣку воду черпати;
Почерпнувъ, ведры поставила,
Что поставивши слово молвила:
«Ахъ ты, душечка, молодой матросъ,
«Ты за чѣмъ рано корабли снастишь,
«О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
«Тонкихъ, бѣлыхъ полотняныихъ.»
Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой матросъ:
— Ахъ ты гой еси красна дѣвица,
— Красна дѣвица, дочь отецкая,
— Не своей волей корабли снащу,
— По указу ли государеву,
— По приказу адмиральскому.—
Подняла ведры красна дѣвица,
Поднявши сама ко двору пошла.
Изъ-подъ камня-изъ-подъ бѣдова,
Изъ-подъ кустика ракитова,
Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
Что кипитъ сердце молодецкое,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
Не по братцѣ, не родной сестрѣ,
Но по душечкѣ красной дѣвушкѣ.
Перепала ли ему вѣсточка, —
Красна дѣвица немощна лежитъ,
Послѣ вѣсточки, скоро грамотка,
Красна дѣвица переставилась.
Я пойду теперь на конюшій дворъ,
Я возьму коня что не лучшева,
Что не лучшева, самодобова;
Я поѣду ли ко Божьей церкви,
Привяжу коня къ колоколенкѣ,
Самъ ударюсь объ сыру землю:

(Пермск. губ. Камышл. у.)

Какъ Васька Брашновъ да со товарищемъ,
Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ
Подавали просьбу-челобитную
На Сибирскаго разорителя
На Тобольскаго губернатора
На вора на Гагарина.
Приходятъ тѣ челобитчики
Къ самому-то Царю на имя,
Ко Петру да ко Первому.
У параднаго крылечушка
На часахъ стоитъ да молодой солдатъ,
Молодой солдатъ да ухо царское,
Онъ доноситъ Царю о челобитчикахъ,
О Васькѣ Брашнѣ да со товарищемъ,
Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ.
Приказалъ ихъ Царь посадить въ земляну тюрьму.
Тутъ они да испужалися,
Рѣзвы ножки да заподсѣкалися,
Бѣлы рученьки заопущалися.
Посылаетъ Царь да скорыхъ пословъ,
Курьерчика да не милостива,
По вора да по Гагарина.
Пріѣзжаетъ тотъ да курьеричекъ
Ко Гагарину да губернатору.
А у него-то вора стѣны мраморны,
Стѣны мраморны, полы узорчаты.
Подаетъ ему курьеричекъ указы царскіе.
Принимаетъ тѣ указы самъ Гагаринъ-воръ,
Подаетъ онъ читать милой дочери,
Ульянѣ да Матвѣевнѣ.
Почитай-ка, моя дочушка,
Да не утай ты слова Царскаго!
Начала она читать, сама заплакала....
Охъ, тятинька мой отецъ родной!
Зоветъ тебя Царь да на великъ отвѣтъ.....
«Не плачь ты моя милая дочь,
«Возстанетъ за меня благовѣрный Царь,

«Возстанетъ за меня государыня,
«Возстанетъ Синодъ праведный....»
Привозятъ Гагарина ко Царю на имя.
Возстаютъ за Гагарина всѣ заступнички, замолышнички.
Милый внучекъ Царя благовѣрнаго
Ходитъ по середѣ, въ слезахъ очи ясныя....
«За вора-то за Гагарина
«Есть заступнички, есть замольшнички,
«А за моего-то милаго батюшка
«За Алексѣя-то да за Петровича,
«Не было ни какого заступничка....»
А на это Царь да возгнѣвался, —
Внучка пожалѣлъ,—велѣлъ Гагарину
Положить на плаху голову.

(Объ зап. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. Общества А. Я.) Кокосовымъ, сообщ. же Л. Н. Майковымъ.)

Погребеніе императора Петра II.

(Хотя въ пѣснѣ этой и упоминается имя Императора Павла, но указанныя въ пѣснѣ время кончины — зима, и мѣсто этого событія—Москва—заставляютъ думать, что пѣсня сложена была на смерть Петра II, а въ послѣдствіи имя Петра Алексѣевича замѣнено именемъ Павла Петровича.)

(Казанской губерніи.)

Со вечера порошица мелкая порошила,
Ко полуночи бѣлые снѣжки выпадали,
Ко бѣлой зарѣ дорожинька торная пролегала.
И знать-то у насъ въ каменной Москвѣ не здорово:
Бѣлокаменны царскія палатушки стоятъ растворены,
Призакрыты всѣ его красныя окошечки черною фатою,
И што знать-то у насъ Царя Бѣлова въ живи нѣту.

Переставился нашъ батюшко, Бѣлъ Царь, Бѣлъ Павелъ Петровичъ.
Построили ему Царю Бѣлому труну золотую,
Во труну то стелютъ матерьицы, стелютъ дорогія,
Тутъ кладутъ-то Царя Бѣлова, кладутъ во гробницу,
Тутъ несутъ-то, несутъ Царя Бѣлова, несутъ хоронити.
Напередъ-то идутъ Царя Бѣлова, идутъ архиреи,
И несутъ-то Царя Бѣлова скипетръ и державу;
По правую руку идутъ сенаторы,
По лѣвую руку идетъ царская персона,
Позади-то идутъ Царя Бѣлова всѣ полки, солдаты,
И сами они солдатушки слезно плачутъ:
Не стало у насъ въ Егропѣ * Царя Бѣлова.

(Запис. А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Война Шведская.

1.

Пишетъ, пишетъ король Шведскій государынѣ письмо:
«Ты Россійская государыня, помирися ты со мной,
«Помирися ты со мной, съ Шведскимъ королемъ.
«Ты отдай мнѣ города, отдай прежніе мои,
«Отдай Питеръ, отдай Ригу, отдай славный Коронштатъ.
«А не отдашь мнѣ эти городочки—не прогнѣвайся на меня,
«Я и самъ на тебя пойду, въ каменну Москву взойду.
«Распиши въ Москвѣ фатеры по всѣмъ разнымъ мѣстамъ,
«Моимъ милымъ начальничкамъ — по господскимъ домамъ,
«Моимъ милымъ солдатушкамъ — по купеческимъ домамъ.»
Наша матушка государыня испугалася,
Ея рѣзвы-скоры ноженьки подломилися,
Ея бѣлыя рученьки опустилися.

---

* На требованіе разъяснить, что такое Егропа, мы получили въ отвѣтъ, что такъ Россія называется.

«Ты не бойся, ты не бойся, матушка государыня!
«У насъ есть чѣмъ его встрѣтити, есть чѣмъ подчивати:
«Есть у насъ сухари — они въ Тулѣ крошены,
«Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены»

Сообщ. А. Н. Островскимъ.

2.

(Казанской губ. дер. Черкасово близъ Царевококшайска.)

Пишотъ, пишотъ король светской къ осударынѣ въ сенотъ,
Онъ на вербовой бумаги лебединовымъ перомъ:
«Ты, русейска осударыня, замирилась бы со мной,
Отдай Питеръ, отдай Ригу, отдай славенъ городъ Корноштатъ:
Не отдашь ты эти города, не прогнѣвайся на меня,
И што самъ я, король светской, всю Русеюшку насквозь пройду,
Всю Русеюшку пройду, въ каменну Москву зайду.
Вотъ я въ Астрахань взойду позавтракать, а въ Москву — по обѣдать,
Въ Москву пообѣдать, въ Питенбурхѣ буду ночевать.
Я разставлю свою армію по трактирамъ только, кабакамъ,
Ужь я членшичковъ, барабаншичковъ по осподскимъ только по домамъ;
Ужь я встану, король светской, въ Шелеметьевскомъ только во дому.»
И што наша осударыня задрожжала на ногахъ,
Бѣлотѣльныя же, бѣлыя ноженки задрожали подъ ей,
Бѣлотѣльныя же ее, бѣлы ручиньки опустились внизь по ей,
А буйная жо ее головушка долой катится съ ее.
Енералъ Шелеметьевъ ей на думу приходилъ:
— «Не убойся осударыня, не убойся ты враговъ.
«Если будутъ къ намъ гости, будемъ подчивать гостей.
«Испечены пироги, чернымъ лакомъ чинены,
«Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ — высушены.
«Есть у насъ закусочка—у солдатовъ на штыкѣ,
«Есть у насъ похлебочка—у солдатовъ на бедрѣ.»

(Записана А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

Взятіе Хотина.

(Тверь.)

Ахъ, мы Польшею идемъ,
Сами пѣсеньки поемъ;
Подходили подъ Хотинъ,
Промежъ собой говоримъ:
— «Ужь ты городъ нашъ Хотинъ!
«Мы стоять въ тебѣ хотимъ.»
Цѣлой мѣсяцъ простояли,
Все приказу ожидали.
Какъ до вечера за часъ
Отдавали намъ приказъ;
Прозоровской генералъ
По корпусу разъѣзжалъ,
Какъ ясенъ соколъ
Всѣмъ приказы отдавалъ:
— «Ахъ вы егери, стрѣльцы!
«Бомбардиры молодцы!
«Вы стрѣляйте, не робейте,
«Пуль, пороку не жалѣйте?»
Ужь какъ начали стрѣлять —
Турки прочь отъ насъ бѣжать;
Бомбардиры осерчали,
Всѣ въ погоню побѣжали;
Гдѣ одинъ солдатъ бѣжитъ —
Тутъ пять-шесть Турокъ лежитъ.
А гдѣ корпусъ то бѣжитъ —
Тутъ какъ мостъ Турокъ лежитъ;
Турки гласно закричали,
Отъ Хотина прочь бѣжали.
— Оставайся нашъ Хотинъ,
Мы стоять въ тебѣ не станемъ,
Какъ пришла на умъ Москва —
Одолѣла насъ тоска. —

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника.)

Война Прусская.

(Новогородск. губ. Валдайскаго уѣзда.)

Ты любовь наша любовь,
Любовь дѣвушкина,
Ты когда наша любовь,
Побываешь у меня.
Развѣ въ тѣ поры молодчикъ
Я побуду у тебя,
Когда вырастетъ трава
Средь широкаго двора,
Поразольется вода
Съ крутымъ бережкомъ ровна,
Восплыветъ горючь камень
По верху по воды. —
Вы бояры-господа
Посидите у меня, —
Споемъ пѣсню про себя,
Хоть не сами про себя —
А про Прусскаго короля.
У Прускаго короля
Чужа сила не своя,
Уворованная, невоеванная.
Собиралися солдаты
На зеленькій лужекъ.
Они бились и рубились
Тутъ четырнадцать часовъ,
А на пятнадцатомъ часочку
Мертвыхъ стали разбирать,
По кайзолямъ узнавать,
Какъ нашли нашихъ убитыхъ
Генераловъ до пяти,
Полковниковъ до семи
Гренадеровъ до десяти. —

(Зап. мною отъ 74 лѣтн. старухи крестьянки Арины.)

Лопухинъ.

1.

(Рязанск. губ. и уѣзда, с. Жалчино).

У Пруцкаго короля
Чужа сила не своя,
А все Бѣлаго Царя
Завоеванная, заполоненная.
При долинѣ, при лужку,
Стоитъ армія въ кружку.
Лопухинъ гулялъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Для того-то онъ курилъ,
Чтобы пьяному быть,
Посмѣлѣе подступить,
Посмѣлѣе, поскорѣе
Чисто поле полевать,
Съ поляками воевать.
Ужь мы били, мы рубили
Мы четырнадцать часовъ,
На пятнадцатомъ часу
Стали силу разбирать,
Всю армію смекать.
Мы смекнули, домекнули,
Оглянулися назадъ:
Лопухинъ лежитъ, убитъ,
На ноженькахъ не стоитъ.

(Зап. И. А. Худяковымъ.)

2.

(Самарской губ.)

Ты разлука, ты разлука,
Разлучила ты разлука
Со отцомъ матерью;

Меня еще разлучила
Со милымъ дружкомъ.
Вы кусты-ль мои кусточки,
Вы ракитовы кусты,
Вы скажите-ка кусточки
Всеё правду про дружка;
Гдѣ-жь мой миленькій гуляетъ,
Гдѣ надежда пребываетъ.
Мой миленькій гуляетъ,
Во матушкѣ во Москвѣ, 2.
Со французомъ на войнѣ.
Милый письмецы не пишетъ,
И поклоны мнѣ не шлетъ,
Онъ меня къ себѣ желаетъ.
Онъ по городу гуляетъ, 2.
Коней пару нанимаетъ,
Колясычку запрягаетъ.
На ту пору, подъ тотъ часъ.
Несчастьице случилось:
Батальицо сдѣлалось.
Ужь мы билися, рубилися
Пятнадцать часовъ,
Ужь въ шестнадцатомъ часу
Мирова у нихъ пошла,
Стали тѣла разбирать.
Нашли нашихъ убитыхъ
Ровно двѣсти человѣкъ.
Еще пошли, отыскали:
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Душа въ тѣлѣ говоритъ:
Вы подайте ребяты
Чернильницу съ перомъ,
Еще ребяты вы подайте
Листъ бумаги гербовой,—
Напишу я къ государю
Всеё правду про себя.

(Зап. ученикомъ уѣзднаго училища.)
(Сообщ. А. Н. Потанинымъ.)

3.

Соловейко маленькой,
Соловей молоденькой
Ты куда, куда летишь? 2
Куда Богъ тебя несетъ? 2
Я лечу, лечу, лечу 2.
Во ракитовы кусты.
Кабы кустичекъ немилъ, 2.
Соловей гнѣздо не вилъ,
Кабы дѣвка не мила 2.
Парень не взялъ за себя,
Цѣловалъ бы, любовалъ, 2.
Колечикомъ даровалъ
Серебряно колечушко;
Больно болитъ сердечушко 2.
Золотой-отъ перстенекъ,
Сушилъ дѣвку паренекъ,
Еще на лугу-лугу 2.
Стоитъ армія въ кругу,
Лопухинъ ходилъ въ кругу, 2.
Лопухинъ ходилъ въ кругу,
Курилъ трубку табаку. 2.
Дѣвченушка съ комара
Во солдатской кругъ зашла,
Всѣмъ пазовушку дала.

(Новгородск. губ. Кирил. у.)

Что не шыль въ полѣ шылитъ,
Не дубровушка шумитъ —
Сила арміи валитъ.
Она валитъ-таки валитъ
Все приваливаетъ 2. [1]

[1] Подваливаетъ.

Да выговариваетъ:
Хороши наши ребята [2]
Удалые молодцы, 2.
Наши во полку стрѣльцы:
Они рубятъ и сѣкутъ,
Со жива [3] кожу дерутъ,
Себѣ ранцы шьютъ.
Себѣ ранцы испошили,
Во походъ скоро пошли 2.
Во иныя во земли,
Во иныя, во такія во Турецкія,
Изъ Турецкой земли во Швецкую,
Изо Швецкой же во Нѣмецкую,
Изъ Нѣмецкой во Французскую,
Изъ Французской въ землю Прусскую. [4]
Какъ у Прусскаго короля
Чужа сила не своя,
Полоненая моя,
Завоеванная.
Мы и сѣкли и рубили
День одинадцать часовъ, [5]
На двѣнадцатый часъ
Стали тѣла разбирать,
Свою армію считать.
Какъ нашли такихъ тѣловъ
Генераличковъ трехъ,
Полковниковъ до пяти,
Офицеровъ до девяти,
Кавалеровъ до десяти,
Чуть застали душу въ тѣлѣ —
Лопухинъ лежитъ убитъ, 2.

---

[2] Какъ армейцы то ребята
[3] Со живыхъ.
[4] Изъ Французской въ землю Русскую
Какъ у Русскаго Царя
Своя сила, не чужа
Полоненая была.
[5] Они бились и рубились
До одинадцати часовъ.

Едва рѣчи говоритъ:
Вы подайте листъ бумаги,
Чернильницу со перомъ.
Напишу я эту просьбу *
Государынѣ въ Синодъ, ** 2.
Марьѣ Ѳедоровнѣ.
— «Эта сила Бѣлаго Царя.»
.... нашъ
По арміи разъѣзжалъ,
Пушки-ружья снаряжалъ,
Пушки-ружья мѣдныя,
Шонпура желѣзныя.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Король Прусскій.

1.

(Симбирск. губ. Корсунск. уѣзда.)

Не кручинушка меня молодца сокрушила;
Сокрушила меня молодца красна дѣвóнька,
Прежня бывшая моя сударушка.
Провожала она меня до сыраго бору,
Все наказывала она мнѣ тайное словечко:
— «Ты поѣдешь, мой любезный другъ, сырымъ боромъ,
«Не услышишь-ли, мой милый другъ, вольную пташку,
«Вольную пташку, горькую кукушку?»
Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
Не кукуй во сыромъ борочкѣ!
Не давай-ка намъ, кукушенька, тоски на-золы,?
Безъ того намъ солдатушкамъ больно-тошно:
(Учьба и стрѣльба намъ скоро не дается.)

---

* Напишу это письмо.
Къ Государынѣ въ село,
** т. е. въ Сенатъ.

Какъ загналъ-то насъ Пруцкóй король во иную землю,
И не шлетъ Пруцкóй король пищи никакóй;
Хоть и шлетъ Пруцкóй король,—къ намъ пища не доходитъ;
А прислалъ-то къ намъ Пруцкóй король вѣсточку,
Бѣлую грамотку за черною печатью:
Какъ пришла-то къ намъ молодцамъ мука-то кулевая,
А мука-то добрымъ молодцамъ очень надокучала.

(Зап. отъ крест. Кузмы Ослова).

2.

(Симбирск. губ. Корсунск. уѣзд. с. Усть-Урень).

Разбесчастненькій, безталаненькій король Прусскій,
На добрымъ конѣ въ глухую полночь разъѣзжаетъ,
Въ глухую полночь къ ему курьерушка прибѣгаетъ;
А не радостныя газетушки подаваетъ.
Что разбилъ-то, разбилъ воръ Французикъ,
И побилъ, погубилъ всю армеюшку,
Во полонъ-то онъ взялъ думчіихъ сенаторовъ,
И еще-то взялъ роднаго племянничка...
И думаетъ онъ со своимъ думчимъ сенаторомъ,—
А его силушка ростомъ не величка,
Ростомъ не величка, во плечахъ плечиста.
У ихъ у злодѣевъ волосы накладные,
Волосы накладные, а бороды сѣдыя,
А глаза сѣрые большіе.

(Зап. мною отъ ратника Н. Картавенкова)

3.

(Самарск. губ.)

Разнесчастный, безталанный король Прусской уродился.
Ничего-то нашъ королюшко не знаетъ,
Только знаетъ король:—ушла его армеюшка воевати;
Воевать-то ушла подъ вора Француза.

Побилъ, порубилъ воръ-Французикъ
Всёе силу войскую;
Во полонъ онъ взялъ двухъ сенаторовъ,
Третьяго взялъ козака Донскаго,
Взялъ племянничка роднаго.
Мнѣ не жаль королюшку силу войскую,
И не жаль двоихъ сенаторовъ,
И третьяго козака Донскаго,
Мнѣ только жаль племянника роднаго.
Соберу я силу войскую,
И пойду подъ вора-Француза.

(Зап. И. Акутинымъ. Сообщ. М. И. Семевскимъ.)

Генералъ Краснощековъ.

1.

(Московск. губ. Коломна)

Что не пыль въ полѣ пылитъ,
Пруская армія валитъ,
Никуда конца не видно.
Пруской силы смѣты нѣтъ,
Напередъ идетъ Вензеръ
На своемъ храбромъ конѣ.
Какъ поближе подходилъ,
Генераламъ пригрозилъ:
«Ужь я и васъ генералушки
Въ ногахъ всѣхъ потопчу 2.
Въ каменну Москву взойду?»
Какъ и генералы говорили
На отвѣтъ слово ему:
—«Не бывать тебѣ злодѣю
Въ каменной славной Москвѣ,
Не видать тебѣ собакѣ
Золотыхъ славныхъ гербовъ.»
Какъ Вензеръ началъ палить,
Только дымъ столбомъ валитъ,

Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Что не ясенъ соколъ леталъ,
Краснощековъ разъѣзжалъ
Онъ ѣздилъ по горѣ
На своемъ добромъ конѣ.
Онъ пріѣхалъ, прискакалъ
Ко Донскимъ казакамъ,
Имъ словечко онъ сказалъ:
«Ужь вы братцы молодцы,
«Вы Донскіе казаки!
«Вы безъ мѣрушки пейте зелена вина,
«Вы безъ счета берите государевой казны,
«Только скрадите у Вензера
«Его крѣпкой караулъ.»
—«Не велика эта страсть
Караулы его красть.»
—Они ноченьку не спали,
Караулы Вензеровы скрали.—

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

2.

(Симбирск. губ. с. Усть-Урень.)

Не бѣлая берёзенька къ землѣ клонится,
Не шелкóва трáвенька по чисту полю разстилается:
По чисту полю разстилается полынь горькая.
Горькà ты, полынушка, изъ всей травы:
Еще горчѣй-тошнѣй того служба царская,
Служба царская, нужда крайняя.
И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Темная ночь настанетъ, мы на часахъ стоимъ,
Какъ бѣлый день настанетъ,—во строю стоимъ,
Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
И стояли мы, солдатушки, трое суточки,
Не пиваючи и не ѣдаючи.
И ходитъ же душа енералушка по армеюшкѣ,

Закупаетъ енералушка свинцу съ порохомъ,
И заряжаетъ енералушка сорокъ пушечекъ,
Пробиваетъ енералушка стѣну каменную,
И убиваетъ енералушка жену офицерскую,
Молодыхъ-то ребятъ во полонъ беретъ.

(Зап. мною отъ стараго слѣпца Полякова)

3.

Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонилась,
Не шелковая ковыль-травынька разстилалась,
Какъ растужится, расплачется самъ Пруцкой король,
Сидючи король на украсушкѣ, на крутой горѣ,
Глядючи король на укрѣпушку, на Берлинъ городъ:
— «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка Берлинъ городъ!
«Ты кому моя укрѣпушка достанешься?
«Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому, генералушкѣ Красноцекову.»
Какъ беретъ-ли генералушка Берлинъ городъ,
Забираетъ въ плѣнъ королевишну,
Королевишну съ малымъ дѣтушкамъ;
Ужъ какъ сталъ генералушка разспрашивать:
— «Ты скажи, скажи, королевишна, гдѣ Пруцкой король?»
— «Я кричала ему—вы не слышали,
«Я махала ему—вы не видѣли».

(Сообщ. Д. Е. Молчановымъ).

4.

(Тульск. губ. Крап. у.)

Что ни бѣлая береза къ землѣ клонится,
Ни шелковая во поли травушка застилается,
Разстилалась, сувивалася полынь травушка,
Что горька, горька полынь травушка,
Горчей въ поли нѣтъ,
Что тяжка, тяжка служба царская,

Тягчей въ свѣтѣ нѣтъ.
Собирался нашъ Пруцкой король
Съ своей арміей на круту гору,
Становился нашъ Пруцкой король подъ дубровою,
Подъ дубровою зеленою подъ высокою,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ въ свою сторону.
— Сторона-ль ты моя, сторонушка, Берлинъ городъ,
Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка,
Ты укрѣпа моя крѣпкая;
Ты кому-жь моя укрѣпушка достанешься?
Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому. —
Краснощекой енаралъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ ходилъ-гулялъ съ купцомъ по торгу;
Закупалъ нашъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
Разбивалъ нашъ енаралъ стѣны каменны,
Черезъ рѣчьку, черезъ быструю мосты вымостилъ,
Молодую королеву во полонъ брали.

(Зап. г. Шумилиным.)

5.

(Тульск. губ. и уѣзда, село Байдаки.)

Не бѣлая березушка къ землѣ клонится,
Не широкая ковыль-травушка по лугу разстилается,
По лугамъ-то лугамъ наша армія разбирается.
Вотъ и ходя Пруцкой король на сине море,
Становится Пруцкой король на крутой бережокъ,
Онъ глядитъ-то, смотритъ на всѣ стороны.
Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка Берлинъ городъ!
Кому-тъ моя укрѣпушка достанешься?
Доставалась укрѣпушка Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому.
И ходитъ енаралушка съ купцомъ по торгу,
Покупаетъ енаралушка свинцу-пороху,
Заряжаетъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
И стрѣляетъ енаралушка въ каменну стѣну.

(Записан. Н. Ѳ. Соловьевым.)

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.

(Саратовск. губ. Хвалынск. у. с. Безобразовка)

Звѣзда-ль наша восхожая
Высоко больно восходила,
Выше ельничку, березничку
И частаго осиничку,
И просвѣтила ты землю Прусскую,
Землю Прусскую, государскую
И темницу королевскую.
Во темницѣ былъ невольничекъ 2.
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
По темницѣ онъ похаживаетъ,
Во злату скрипку поигрываетъ,
Про худой свой таланъ разсказываетъ:
— Худой таланъ, участь горькая моя
На роду видно написана,
Написана, напечатывана, —
Довелось мнѣ къ Хану ѣхати,
Къ тому Хану мнѣ ко Прусскому.
Ужь охъ ты есь Россійскій графъ,
По прозванью Потемкинъ князь,
Служи ты мнѣ службишку,
Какъ служилъ ты своему царю,
Служи ты мнѣ вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою, безъ измѣнушки.
— Ужь охъ ты есь Ханъ Пруцкой,
Ханъ Пруцкой изъ большихъ,
Прикажи мнѣ слово молвити!
Какъ я служилъ своему царю,
У меня былъ вороной-отъ конь,
И было сѣделице черкасское;
На конечкѣ была сбруя ратная,
Со мною была сабля вострая.
Схватилъ бы я эту саблю вострую
И срубилъ бы я Хану голову. —
Не на толь нашъ Ханъ огнѣвался,
И схватилъ съ крюку саблю вострую
Хотѣлъ срубить графу голову.

«Ужь ты охъ еси Пруцкой Ханъ!
«Не бей меня скорой смертью.
«Ты сдѣлай рельица крашенёнькія,
«Повѣсь петельки шелковенькія,
«Повѣсь меня добраго молодца
«Славой доброй хорошею.»
—«Ужь ты охъ еси Россійскій графъ!
Мнѣ жалко бить тебя скорой смертью.
Ты бери злата-серебра твово,
Бери силы веліи моей,
Живи какъ тебѣ хочется.»
«— Ужь ты охъ есь Пруцкой Ханъ!
«Не ведите время у молодца!
«Мнѣ не надо злата-серебра твово,
«Не надо силы веліи твоей.
«Не пойду я въ вѣру Пруцкую
«Въ вѣру Пруцкую, бусурманскую.»
Не на толъ нашъ Ханъ огнѣвался,
И сдѣлалъ рельица крашенёнькія,
И вѣшалъ петельки шелковенькія,
Подводилъ онъ добраго молодца, —
И какъ онъ во первую ступень ступалъ
И въ подзорную трубу струбилъ, —
Казаки съ Дону подымалися;
Какъ въ другую ступень ступилъ,
Въ подзорную трубу струбилъ,—
Казаки ближе подвигалися;
Какъ во третью ступень ступилъ,
Въ подзорную трубу струбилъ—
Казаки вплоть подъѣхали.
Оглянулся Ханъ Пруцкой, оглянулся назадъ —
И вскрикнулъ: что тамъ за туча идетъ?
—Это не мои ли ясны голуби летятъ?
Оглянулся Ханъ Пруцкой на правое крыло —
Мои голуби всю твою бѣлу Турку склевали.
Онъ оглянулся кругомъ — только самъ семь остается.
Успѣлъ сѣсть на дружка ускакать.
Его гнали, догоняли, вплоть до Парижа провожали.
Тамъ съ нимъ миръ сдѣлали.

Въ Парижѣ весь народъ русскій,
А начальничекъ французскій
Отрекся отъ царя, выдавалъ хлѣбъ—соль.

(Зап. мною въ 1872 г. отъ крестьянина Ѳедора Семенова Вдовина).

2.

(Самарск. губ.)

Какъ у Пруса во зеленомъ саду,
Тамъ стояла темна-темница,
Заключеная затюремница,
Какъ во этой темной темницѣ,
Заключеной затюремницѣ,
Тамъ посаженъ добрый молодецъ,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ не годъ сидѣлъ и не два года....
Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Отростилъ свою бородушку
До шелкова своя пояса,
Отростилъ свои русы кудри
До своихъ плечъ могучіихъ.
Онъ по темницѣ похаживаетъ;
Онъ во скрипочку поигрываетъ,
Ко той скрипкѣ приговариваетъ:
Ты таланъ-ли, мой таланъ;
Таланъ-участь горькая;
На роду-ли мнѣ написано,
Аль по жребію досталося—
Во темной сидѣть темницѣ,
Въ заключенной затюремницѣ. —
Мимо той темницы
Случилося князю ѣхати:
«Ужь ты батюшко Прусской король,
«Прикажи-ка меня выпустить,
«Прикажи-ка меня поить-кормить.

3.

(Симбирск. губ. с. Усть-Урень)

Ходилъ то я, добрый молодецъ, по чисту полю:
Мягкая постелюшка— желтой песокъ,
Изголовьица моя — шелкова трава.
Какъ во селѣ было во Лысковѣ,
Тутъ построена крѣпкая темница;
Какъ во той во крѣпкой темницѣ
Посаженъ добрый молодецъ,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тёмницѣ похаживаетъ,
Самъ слезно плачетъ, Богу молится:
«Ты взмой, взмой туча грозная,
«Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
«Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
«Невольнички, неохотнички!»
Всѣ невольнички разбѣжалися,
Во темномъ лѣсу они собиралися,
Соходилися они на полянушку,
На полянушку на широкую.
«Ты взойди, взойди, красное солнышко,
«Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
«Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныихъ,
«Сиротъ бѣдныихъ безпашпортныихъ!»
Ниже города, ниже Нижняго,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
По прозванью рѣчка Волга матушка:
Течетъ Волга матушка
Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
Какъ по рѣчкѣ плыветъ легка лодочка:
Эта лодочка изукрашеная,
Вся молодчиками изусаженная...

(Зап. мною отъ Н. Картавенкова)

ПѢсня на смерть Императора Петра Ѳеодоровича.

(Казанск. губ.)

На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ краснова солнышку,
На закатѣ свѣтлова мѣсяцу,
Не золотая трубонька вострубила,
Не серебряная сипавочка возыграла,
Не бѣленькая лебедушка восплакнула,
Восплакнула царица надъ гробницею,
Стоючи-то, она, надъ гробницей сыродубою:
«Ты раскройся-ка гробница сыродубая,
Распахнись-ка камоточка мелкотравчатая,
Ты востань-ка, ты востань, нашъ батюшко православной Царь,
Промолви-ка со мной словечушко хоть единоё,
Обрадуй-то мое сердечушко ретивоё,
Отъ чего тебѣ скорая смёртонька солучилася?»

(Зап. А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Графъ Румянцовъ.

1.

(Ростовск. уѣзд. с. Сущево.)

Мы вечоръ въ торгу торговали,
Свинцу-пороху закупали,
Въ мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣну стрѣляли,
Стѣны каменной не разбили,
Красну дѣвицу полонили,
Да къ Румянцову отводили.

Графъ Румянцовъ взрадовался
Красотѣ ея дивовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По нѣмецкому изубрана.
На ней юбочка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая
До шелкова поясочку,
До нѣмецкаго до чулочку.
Графъ Румянцовъ говорилъ ей,
Графъ Румянцовъ вопрошалъ ей:
—«Ты скажи-скажи, дѣвка нѣмка,
«Про свою силу про нѣмецку.
«И поди ты въ Россію замужъ,
«За моего сына Ивана,
«За россійскаго генерала.»
Дѣвка нѣмка отвѣчала,
Напрямикъ ему сказала:
—«Не скажу я про нашу силу,
«И нейду я въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За россійскаго генерала.»
Графъ Румянцовъ разсердился,
До безмилости распалился,
Востру саблю обнажаетъ,
Красну дѣвицу стращаетъ.
Красна дѣвка испугалась
И во всемъ ему созналась:
—«Нашей силушки немного,
«И иду въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За россійскаго генерала.»

(Зап. крест. Сущевскимъ. Сообщ. Вадимъ Лѣствицынъ)

2.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Что никто братцы то не знаетъ, да не вѣдаетъ,
Что куда наша Государыня собирается,
Собирается, да снаряжается,
Екатерина то да Алексѣевна?
Надѣваетъ-то она на себя платье черное,
Платье черное, печальное,
И ко Христовской она собирается ко заутренѣ,
Ко заутренѣ да къ ранней утренѣ.
По правой по рученьку сидитъ графъ Суворовъ енералъ,
По лѣву по рученьку сидитъ Потемкинъ енералъ.
—«Что же ты, наша Государыня, запечалилась! —
—«Ахъ глупые вы бояре, неразумные,
У насъ не стало правителя въ каменной Москвѣ,
Славна воина Румянцова,
Полонилъ его собака воръ Прускій король,
Не одного его полонилъ,-съ цѣлой арміей,
Связали-то Румянцову ножки рѣзвыя,
Сковали-то у Румянцова ручки бѣлыя,
Призавѣсили очи ясныя тафтой чернотравчатой.
И набѣжали на него два татарина,
Два могучіе, два богатыря:
И поди-ка ты въ нашу вѣрушку!
— Ой вы гой еси два татарина,
Два могучіе богатыря!
Кабы нескованы у меня были ножки рѣзвыя,
Не связаны бы руки бѣлыя,
Не завѣшаны были-бы очи ясныя,
Кабы была у меня въ рукахъ остра сабелька,
Снесъ бы я вамъ, собакамъ, съ плечь головушки.»—

((Зап. Членомъ-сотрудн. Русскаго Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ)

.....

Емельянъ Пугачъ.

1

(Саратовск. губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ во славномъ городѣ Астраханѣ
Проявился добрый молодецъ,

Добрый молодецъ Емельянъ Пугачъ.
Обряженный онъ во кафтанчикъ сто рублей,
Шерфарочекъ на немъ въ пятьдесятъ рублей,
Шапочку на бекрень держитъ,
Во правой-ли рукѣ тросточка серебряная,
На тросточкѣ лента букетовая, —
Хорошо онъ по городу погуливаетъ,
А тросточкой упирается,
Ленточкой похваляется,
Со князьями-со боярами онъ кланяется,
Къ Астраханскому жъ губернатору и подъ-ладъ нейдетъ.
Астраханскій губернаторъ призадумался.
Онъ увидалъ его изъ хрустальнаго стекла,
И посылаетъ за нимъ слугъ вѣрныхъ
Допросить его словеснымъ допросомъ.
Нагоняли его слуги вѣрные,
Допрашивали его словеснымъ допросомъ:
Какого ты рода, племени?
Царь ли ты или царскій сынъ!
А онъ имъ на то молвилъ:
Я не царь и не царскій сынокъ,
А родомъ я Емеля Пугачъ,
Много я вѣшалъ господъ и князей,
По Россіи вѣшалъ я неправедныхъ судей.

(Зап. въ 1864 г. В. А. Мясоѣдовой отъ старухи, которая помнитъ ее отъ своей матери.)

Воръ Пугачовъ.

2.

(Тверск. губ.)

Какъ во мѣсяцѣ было во Мартѣ
Въ двадцатомъ числѣ,
Распоряжалъ воръ-отъ Пугачеевъ,
Распоряжалъ свою альтарелью:

«Ужь вы стойте ребятушки,
«Ужь стойте, не робѣйте!
«Разобьемъ мы этотъ новый корпусъ,
«Новый корпусъ Голицына князя,
«Мы Московскую эту губернію
Сдѣлаемъ границей.»
«Ужь полно тебѣ, полно Пугачовъ —
Съ Москвой воевати.
Разобьютъ Московскія войска,
Расказнятъ тебя вора Пугачова
На славномъ болотѣ;
Развезутъ тебя вора Пугачова
По разнымъ заставамъ.
Какъ во первою—во Тверскую,
Во другую—во Ямскую,
А во третью-то Рогожску.
Не успѣлъ онъ воръ-собака
Приказу отдати, —
Приказъ отдалъ князь Голицынъ:
Изъ пушекъ палити.
Какъ изъ пушекъ наши запалили,
Земля задрожала,
Не могли они воры стояти,
Бѣжали въ сакманы;
Тамъ гусары наши воевали,
Въ полонъ забирали,
Головушекъ они много
Долой поснимали.

(Зап. свящ. А. С.)

Генералъ Пугачъ.

3.

(Симб. губ. Корс. уѣзд. сельцо Александрово.)

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
Про тебя Ленбурхъ идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее:
Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,

На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
На трехъ рѣчушкахъ да на устьицахъ,
Да первая рѣчушка течетъ—Сакмарушка,
Другая рѣчушка — Яикъ-рѣка,
Третья рѣчушка — Уралъ-рѣка:
По Уралъ рѣкѣ живутъ казаченьки,
По Сакмарушкѣ живутъ татарушки,
По Яикъ рѣчкѣ — калмыченки;
По Уралу гулялъ генералъ Пугачъ.
Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
Не даютъ то мнѣ волюшки во Ленбурхъ сходить,
Во Ленбурхъ сходить — Пугача убить...

Продолженія этой пѣсни пѣвецъ, къ сожалѣнію, не могъ припомнить, и говорилъ только, что она еще довольно долга.

(Зап. мною отъ крестьянина К. Ослова, уроженца Нижегородск. губ.)

Суворовъ Князь.

1.

(Московск. губ. г. Коломна)

Что во славномъ городѣ Брызгалѣ,
На славномъ шведскомъ курганѣ,
Тамъ стоятъ бѣлы каменны палаты;
Въ этихъ палатушкахъ подзорники были шелковые,
Въ подзорничкахъ стояли столы дубовые,
Вокругъ стоятъ стулья раздвижные,
На этихъ стульяхъ сидятъ гости дорогіе:
На первомъ стулѣ сидитъ графъ Суворовъ,
А передъ нимъ россійскіе генералы
И всѣ думчіе пріѣзжіе сенаторы;
Они думали-гадали думу крѣпкую.
Какъ возговоритъ Князь Великій:

«Вы послушайте, россійскіе генералы
«И думчіе пріѣзжіе сенаторы!
«Намъ кого послать на прусскую границу?
«Мушкатеръ послать — не дождешься,
«Гренадеръ послать — не надежно,
«А, знать, послать будетъ казачьяго эсаула.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

2.

(Пермс. губ. Камышлов. уѣзда.)

Собиралася да снаряжалася
Наша армія въ путь дороженьку,
Въ путь дороженьку во Туречину:
Полонить царя Салтана турецкаго,
Не крещенаго басурманина.
Надѣвали солдатушки ранцы тяжелые,
Брали ружья, сабли острыя.
Подходили-то наши солдатушки
Да ко морю синему,
На синемъ-то да на морюшкѣ
Нѣтъ ни лодочки ни корабличка.
Призадумалися солдатушки;
Призадумались, закручинились:
На чемъ же мы, добры молодцы,
Переѣдемъ да переправимся
Во невѣрную во Туречину?
Глубоко ли море синее,
Далеко ли, широко раскинулось? —
Какъ выходитъ тогда ко солдатушкамъ
Енералъ сѣдой да Суворовъ князь,
Да какъ глянулъ онъ на солдатиковъ,
Веселешенько улыбаючись:
«А пошто мои дѣтоньки призадумалися?
«Аль устрашились моря синяго,
«А за моремъ силы невѣрныя?
—«Ой ты гой еси, да Суворовъ князь,

Командиръ ты нашъ, начальничекъ!
Не страшна-то намъ сила вражія,
Сила вражія, злая Туречина;
Да страшно-то намъ окіянъ-буянъ,
Окіянъ-буянъ, море синее:
Нѣтъ на морѣ томъ перевощика,
Ни весельца-то да ни лодочки»....
—Ужь какъ гаркнетъ тутъ Суворовъ князь:
«Ой вы гой еси, братцы солдатики!
«Вы снимайте-ка съ плечь ранцы тяжелые,
«Ужь и ставьте-ка въ козлы ружья мѣткія,
«Вы берите-ка топорики острые.
«Вы плотите-ка мосты, плоты широкіе»....
— Что не гулъ гудитъ по поднебесью,
Что не шумъ шумитъ по темнымъ лѣсамъ,
То плыветъ-летитъ наша армія....
Злая некресть Турки испужалися,
По разнымъ сторонушкамъ разбѣжалися.

(Зап. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. общ А. Я. Кокосовымъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ)

Государыня въ Ярославлѣ

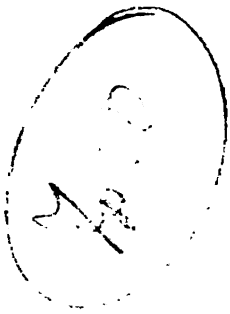
1.

(Новгородск. губ. Демьяновск. уѣзда.)

Здравствуй братцы молодцы,
Ярославскіе купцы,
Къ Ярославлю подходили
Съ пути ножки сповредили,
Во походъ скоро вступили,
Легкой шлюпочкой водили,
Во рукахъ весла гремѣли,
Плавнёшенько выплывали.
Ужъ мы плыли, выплывали,
Сами пѣсни распѣвали, разговаривали:
«Хорошо намъ братцы плыть
«На гальерахъ гребцамъ слыть.

«Одинъ черненькій курьеръ,
«Весьма очень надоѣлъ, —
«Приказалъ пѣсни спѣваться,
«Въ рожки играть обучаться.
«Мы за то скоро взялись,
«На гальерахъ поднялись:
«Ужь мы плыли, выплывали,
«Къ Ярославлю подгребали,
«Въ Волгу якори метали,
«На крутъ берегъ выходили,
«На крутъ берегъ выходили,
«Квартирушки получили,
«Во царевъ кабакъ вступили,
«Два ведра вина купили,
«По двѣ чары на день пили,
«Чтобы веселы были,
«Веселѣе говорили, —
«Чернышевъ то генералъ
«Государыню встрѣчалъ,
«За бѣлыя ручки бралъ.»

(Зап. въ 1860 г. учителемъ удѣльн. училища. Сообщ. Л. Н. Майковымъ)



Цѣна 1 руб.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
JUN 7 1984
1159321

WIDENER
BOOK DUE
JUL 5 - 1984
CANCELLED
1209594

STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED